

K1481442

18+

ОЛЬГА
КУЗНЕЦОВА

набор аль
оо

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

ОЛЬГА КУЗНЕЦОВА

ПАСТОРАЛЬ

Издательские решения
По лицензии Ridero
2015

K 1481442

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И. В. Бабушкина

PC
УДК 82-3
ББК 84-4
К89

+КР
84(2=411.2)6-44

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

К89

Кузнецова Ольга

Пастораль. — [б. м.] : Издательские решения, 2015. — 136 с. — ISBN 978-5-4474-0678-3

Она возвращается — классическая русская литература, написанная чутким языком о современной жизни.

Узкоколейка и дрейфующая льдина, проселочные дороги и убранные поля, проклятая пора выборов и выбора — обо всем этом книга Ольги Кузнецовой «Пастораль». Жизнь есть и севернее столицы. Хоть тут порой и заканчиваются дороги, но это не отменяет света над этой землей. И этому теперь ты свидетель.

Книга из серии проекта «Том писателей» (Вологодское отделение Союза российских писателей).

УДК 82-3

ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Ольга Кузнецова, 2015

© творческая группа FUNdbÜRO, дизайн

ISBN 978-5-4474-0678-3

обложки, 2015

СОЛНЕЧНАЯ БЕЛКА

Для меня существовали лишь «вамповые» брюнетки и сиятельные блондинки, такие плакатно-эффектные красавицы — иных я даже не замечал. Дело в том, что женщин я в основном изучал по глянцевым журнальным постерам. И ещё — весь десятый класс мне очень нравилась учительница русского и литературы, но и она была одной из тех, с постера — высокая, худая, носившая строгие пиджаки, под которыми едва могли укрыться яркие майки с глубоким вырезом. Любила она и короткие юбки, я бы их назвал — высокие юбки. Ниже, на бесконечно длинные ноги, я побаивался смотреть. Она учила нас недолго — вышла замуж за актера из модного театра и уволилась из школы. Потом уже кто-то из наших прочитал в интернете, что тот снимается в сериале и крутит роман с очень-очень известной актрисой. Сериала мы еще не видели, а в газетах уже написали, что он с учительницей развелся, но в нашу школу Светлана Владимировна так и не вернулась.

Нюша была рыжая, без всяких там каштановых грив или гладких каре. Выяснилось, она на целый год меня старше — уже отучилась первый год на психолога. Но внешностью она напоминала сельскую школьницу из советских фильмов — челка на глаза и толстая коса. Большой рот в вечной улыбке и крошка-картошка нос. Наверное, таких девчонок и называют курносыми. И веснушек — от уха до уха. Нюша напоминала шаровую молнию — я ее не видал, но представлял именно такой: солнечного цвета. Внезапная, подвижная, а ещё очень смешливая. И эмоциональная — уж если рассердилась на шутку Степана, что явно была «ниже пояса», — так, мне показалось, травы придорожные прилегли...

Таких вот — среди «звезд» на постерах в моей комнате — не наблюдалось, да и в жизни я еще не встречал. Может, поэтому всё и следил за ней — вполглаза — чтобы никто не заметил, а слушал на все сто — впервые всё-таки девчонка рядом, бок о бок со мной круглые сутки.

В машине она сидела за водительским креслом на свернутой палатке, обнимая Серегу за шею. Клала голову ему на плечо или целовала его в затылок, по поводу и без повода. Конечно, она мешала ему управлять машиной. Но он ни разу не проявил неудовольствия — напротив, улыбался всю дорогу и иногда терся щекой о ее руку. Впрочем, особой опасности она нас, может быть, и не подставляла, — наш «раритет» скорость развивал не ахти, а на дороге — чем дальше от Москвы, тем меньше движения...

Во второй день путешествия мы тащились сперва по разбитому асфальту, потом по грунтовке. Карта утверждала, что даже малых городков на нашем пути уже не будет. За стёклами машины изредка проплывали деревеньки, всё беднее и дряхлее. Уже темнело, фары выхватывали однородный лес по сторонам дороги, в салоне свет шел только от пары лампочек на доисторической приборной доске, и я, несмотря на тряску, — автомобиль наш не зря назывался «козликом», прыгал он на любом бугорке, как настоящий козел, — задремал. А проснулся вдруг оттого, что на моих коленях спала Нюша. Её тоже сморило, и она улеглась на заднее сиденье, а голову положила мне на колени. Машина двигалась, Сергей упрямо всматривался вперед, сзади виднелись огни второго «газика». А я, чтобы водитель меня не засек, чуть прикрыв глаза, смотрел на Нюшу.

Измученный Сергей съехал с дороги и сразу же заснул, уронив голову на руль. Прошлую ночь мы ночевали в палатках, а утром долго не могли выехать — ремонтировали вторую машину и вот, к вечеру, пытались нагнать упущенное время. А я всё смотрел, помнится... Меня, как показалось, почти сразу разбудили: нужно завтракать и снова ехать. «Скакать по холмам задремавшей отчизны», как говорила Нюша. Хотя какие холмы — одни колдобины.

Мне показалось, что проснулся я в тот день уже другим человеком. Я теперь точно знал, что ненавижу Сергея —

если он взял с собой эту малолетнюю подругу, зачем пригласил и меня? В уверенности, что я не проболтаюсь? Мы с ним соседи — живем в одном подъезде панельной пятиэтажки. Я хорошо знаком с его женой и, признаться, частенько у них обедаю. Уже совсем не стесняюсь, поедая домашние оладьи и блины — я их люблю, но их терпеть не может печь моя мама. Детей у них нет — может, потому жена Сергея так внимательно ко мне относится?..

Днем раньше я ещё не мог определиться, как относиться к попутнице. Ничего предосудительного Сергей не совершал, но всё же, всё же, всё же... Зачем морочить ей голову? И вдруг я понял, что эта девчонка, не похожая на «суперстар», должна быть моей...

Я даже завтракать сел в сторонке, потому что хотелось обдумать, что со мной происходит. Чтобы никто ничего не понял по моему лицу. Нюша же сделала замечание в свойственной ей манере: «Хватит хомячить по углам...» Что она такое говорит? По каким таким углам — если кругом одни елки?

День раскоचेгарился быстро — с самого утра палило солнце, ветерок умер за дальним лесом, дорога из грунтовой стала проселочной, а потом и вовсе превратилась в тропу, которая скрылась в мелколесье. Сначала мы ещё старались ее держаться, принимая хлесткие удары веток, потом кенгурятником рассекали кусты, потом подминали, как на танке, тонкие деревца. Они царапали, скрежетали по днищу машины. Потом уже старались объезжать деревья, что потолще. Потом и объезжать не получалось, и, попетляв, поутюжив кустарник, приходилось выходить из машины и подрубать у самой земли дерево, вставшее на пути...

Потом пошла низина, и лес на глазах становился все чахоточней. Тут мы уж больше шли следом за авто, чем ехали. Машины плевались грязью, вытаскивая друг друга лебедками. Порой приходилось толкать плечом, цеплять

крюк за впереди стоящую машину — редко попадалось достойное дерево, за которое можно зацепиться. Здесь мы встретили зайца. Он с удивлением смотрел на наши старания, когда мы отъезжали, он, отковыляв с десятков метров, садился на жесткую болотную траву и снова смотрел — смеялся, наверное, по-заячьи над нами. Нюше доставалось не меньше, чем другим — она, сжав губы, месила грязь, отказавшись сидеть в машине: «Моя тушка может стать решающим весом». И всё же мы медленно двигались вперед. Когда уже стало казаться, что и краю не будет этим диким местам, зною, гнусу, грязи — колеса вдруг нащупали твердую землю, машины покатались чуть в гору скоро, легко, и километра через три наш караван неожиданно выехал на чистое место. А в ста метрах от кромки леса, как в огромной плоской чаше, мы увидели море. Бледно-зеленое, чуть мутноватое вблизи, раньше бы я сказал, будто забеленное молоком. Теперь бы сказал — такой становится вода в котелке за полминуты до закипания. Она еще не кипит, но со дна поднимаются мелкие пузыри, их становится все больше и больше, вода — все менее прозрачной, и вот — дна не видно. Но море не собиралось кипеть — оно лежало почти неподвижное, без единого паруса, лодки, или корабля, или птицы на горизонте. Наша машина остановилась. Сзади подъехала вторая, и мы, у кого силы кончились еще в середине болота, просто выпали из своих вездеходов. Мне даже показалось, что и прибыли мы не посуху, а морем — земля качалась под ногами. Но спустя минуту я вместе со всеми уже бежал к воде, скидывая заляпанную грязью джинсовку.

Первым — в семейных трусах — заскочил в воду Серега:

— А-а-а-а! — кричал он. Я тоже сгоряча забежал и тоже заорал — едва не в унисон. Однако соленый холод напрочь выбивал из тела воспоминание о жаре, о гнусе, комарах, которые нас просто заели, особенно на последнем отрезке

пути.

...Нюша плескалась в футболке и брюках, тоже что-то кричала. Пожалуй, такой щенячьей радости, как у этих взрослых людей, мне еще в жизни не приходилось видеть. На берегу мы сообща стучали зубами. И в руках Димаса быстренько появилась бутылка водки: «Конец пути, сухой закон отменяется». Да, я впервые не отказался выпить. На пустой желудок водка произвела ядерное действие — внутри стало горячо, потом тепло разлилось по всему телу. Вероятно, меня с непривычки сильно скосило, я видел, как надо мной посмеивается тот же Димас, но ничего поделаться с собой не мог, вел себя как дурак — бестолково вертелся рядом с Нюшей, которая по-хозяйски разбирала продукты. Боже мой, я даже пытался острить! Она, чтобы я отвязался, молча подала мне банки с тушенкой и консервный нож. Я начал открывать, но неловко, и порезался. Какое-то необычайное свойство у Нюши — всё очень быстро делать: она мгновенно нашла аптечку, ловко прицепила мне пластырем марлевый тампон, но вместо того, чтобы пожалеть, постучала мне по голове своей маленькой ручкой: «Только попробуй еще водку есть, бамбук ты зеленый!» — и погнала меня за дровами. Я искал сушняк, как оглашенный. Одной рукой хватал сухие стволы, приговаривая почему-то: «бамбук, бамбук», корчевал их и под мышкой тащил к лагерю.

Праздничный обед — суп с тушенкой говяжьей, макароны с тушенкой свиной — открывал Серега. Он поздравил нас с выходом к морю и сказал, что осталось совсем чуть-чуть. Не придерживаясь направления, двигаясь без пути и дороги, мы вышли чуть правее, чем нужно. Слева от нас виднелся полуостров, выходящий в море. Именно туда мы и должны были попасть. На одной из старых карт маленькой башенкой отмечен маяк, вот и хотелось узнать, что же там на самом деле. По прикидкам Сергея — напрямик до мыса не более одиннадцати километров, но сколько реально потребуется проехать, сказать никто не решался.

Завтра с утра нам только предстояло разведать — без машин, для экономии топлива — есть ли туда дорога. Вечер прошел у костра — долго пили чай. Степан ушел спать, а Алфей с Димасом таскались вдоль моря и пели песни. Нюша сидела рядом с Сергеем. Она, по крайней мере, вечером, не очень-то висела на его шее — лишь пару раз чмокнула в затылок да обозвала невежей за то, что он не знал, что такое релаксация. Я видел, что он специально её разыгрывает. А она велась и всерьез объясняла что-то заумное, наверно, из прочитанных книг. Я вдруг почувствовал себя очень счастливым — на краю земли, с забинтованным пальцем, с расчесами от комаров. Единственное, что портило мне праздник, так это боязнь, что Сергей с Нюшей уйдут вдвоем гулять, как обычно делают парочки, желающие уединиться. Но она вскоре ушла спать в палатку, общую для нас троих, а мы с Сергеем еще долго сидели у костра, но говорили мало — смотрели на огонь да слушали песни, доносившиеся со стороны моря.

Утром Нюша будила нас: «Вставайте, засони, завтрак готов! Кто опоздает, пусть готовит конфетку мне на стол!..» О Господи, какой стол, какая конфетка! Но мужики вылезали из палаток, послушно шли умываться. Алфей — единственный, кто брился в дороге, скреб себя одноразовой бритвой, смотрясь в боковое зеркало машины. И вскоре все сидели у костра — четверо взрослых мужиков, припухших ото сна и от вчерашнего спиртного, заросших щетиной — кроме Алфея, разумеется, с руками, в которые въелась грязь местных топей да мазут старых коленвалов и новых тормозных колодок. И все они, как дрессированные медведи, кормились из рук невысокой девчонки, которая раскладывала кашу по мискам, сдабривала топленым маслом из жестяной банки и наливала чай в разномастные кружки, похожие друг на друга одним — они наверняка ровесницы автомобилей. Моя эмалированная кружка была новой, но еще на первом привале я специально подкоптил

ее на костре. Черный чай заварили со смородиной — её целый веник наломал Серега возле одного из ручьев, которые мы пересекли вброд.

Я знал, что меланхоличный Димас работал системным администратором в солидной фирме, Алфей — совсем уж какой-то «белый воротничок» — брокер на бирже, Степан — менеджер по рекламе. Всех их сбивал в команду Серега, слесарь из автосервиса, с его расположенностью к побегам из дома, с любовью к технике и склонностью помучить себя на комарах, а старенький автомобиль — на бездорожье. Честно говоря, я человек не азартный, никогда не смотрел ни футбол, ни хоккей, не знал ни одной фанатской речевки и считал, что не спать до утра из-за матча Аргентины и Ямайки просто смешно. Мне рядом с Сергеем уже стало казаться, что я человек без цели и потому, наверное, без результатов. Для меня главное во всем — сам процесс. Нравилось учиться в школе, но когда одноклассники, жестко определившись, забросили всё, кроме подготовки к ЕГЭ, и натаскивали себя, как гончаки, только на зайца или только на лису, — так говорил нам учитель физики, я продолжал заниматься довольно ровно, в результате получил средние оценки по всем предметам. МГУ мне явно не светил, мне абсолютно ничего не хотелось, и тут, как шанс еще немного подумать и узнать жизнь, замаячила армия. Вот и хорошо, может, там чего-то пойму. Хотя бы просто — кто я, технарь или гуманитарий. Мне казалось, потребуется от меня — и я смогу, напрягусь и сделаю. Но никому ничего не требовалось. Разве что мать иногда просила прикрутить петлю у старенького шкафа, или сходить в магазин, или даже помыть стекла, когда сама болела. Но это всё мелочи, а когда я пытался спросить о более серьезном, она беспомощно разводила руками: «Ты теперь больше меня знаешь». Эх, если бы у меня был отец!.. Отца я не помню — думаю, что он просто бросил нас, но мать никогда так не говорила, и я тоже не спрашивал, чтобы ее

не обижать. И тянулся к Сергею — общительному соседу, который на двадцать лет старше меня и при определенных обстоятельствах мог бы быть отцом. Правда, по характеру он казался совсем уж невзрослым — бегал со своими железками и относился ко мне как к равному. И жена его, крупная молчаливая женщина, в моих глазах — уже пожилая, относилась к нему как к ребенку — со снисходительной заботой.

Я, глядя на Сергея и его приятелей, думал, что это совсем другие люди, способные превозмочь, преодолеть трудности, опасности, жаждущие самоутверждения. Если трудностей нет — они их ищут. Найти старый автомобиль марки, которую несколько десятков лет уже не выпускают — может быть, не самое сложное. Куда трудней привести его в рабочее состояние, выискивая на рыночных развалах запчасти, списываясь с владельцами подобных раритетов в других городах, скрупулезно разыскивая недостающие глушители и родные, только так и не иначе, подфарники. Чтобы потом на этих чудах-юдах разъезжать на городских праздниках, раз в пятилетку сняться в фильме про Отечественную войну, а летом всеми правдами-неправдами вымолить у начальства пару недель отпуска или «отгулов за прогулы» и ехать далеко-далеко, чтобы покорять на первом русском «джипе» вычисленные по старым военным картам заветные высоты. В тысяче километров от столицы никакие навигаторы не работали, никакие новые атласы не могли сказать правды, — будто картографы специально шифровали их для подобных бродяг-скитальцев — стерегли эти «белые пятна», нарочно запутывали дороги к неведомым кладам. Например, они рисовали дорогу там, где её реально не было. Да, может, когда-нибудь и проходил зимник. Но сейчас тут можно найти лишь едва уловимую тропу, теряющуюся в болотине, где автомобиль или даже конь в последний раз проходил во время Великой Отечественной. Полувековой лес, вырос-

ший на этом месте, беспристрастно об этом свидетельствовал. Так что если маяк на полуострове и стоял, то, наверное, работал только для заплывавших кораблей ленд-лиза.

В то утро мыть посуду Ньюша отправила Алфея. Через пару минут до нас донеслись его вопли пополам с истеричным смехом – так у меня смеется китайская игрушка: «Ой, не могу! Море убегает. А-ха-ха! Не хочет, чтобы в нем жир плавал. Ой, держите его! Ой, один не могу!». Мы, недоумевающие, отяжелевшие от еды, пошли за ним. Действительно, море пятилось, уходило, отступало.

– Отлив!

Кто первый потрогал остававшуюся на широкой отмели еще холодную, очень нежную мелко-дисперсную взвесь из глины и песка – уже и не вспомнить. «Как сметана», – изумленно сказал брокер. Степан объяснил: «Няша. Местные жители называют «няша»- «Откуда он всё знает?» – с раздражением подумал я. Но скоро мы уже гонялись друг за другом, стараясь измазать пожирнее, бросались ею, стараясь попасть поточнее. Как пацан, бегал Сергей, а Ньюша, как девчонка из детского садика, подпрыгивала, болея за него. Подпрыгивала и била ее по спине рыжая коса. Но тут Алфей подбежал и к девчонке, нехило мазнул по руке, и вот уже она, подхватив горсть убегающей сквозь пальцы грязи, погналась за обидчиком...

Весь тот день мы искали подступы к мысу. Оказалось, что это огромный каменистый горб, поросший белым мхом и соснами. И мы видели слоистые, кроховатые срезы древних отложений, огромные валуны с вросшими в камень тощими, отшатнувшимися от моря соснами, которые тянулись верхушками и крючковатыми, словно изведенными ревматизмом, ветвями к большой земле. Мыс напоминал спину огромного тритона с плавником, который прорезал загустевшую болотину, да так и замер, едва сунув нос в море. В конце концов мы нашли тропинку, ведущую на мыс. Она вилась меж валунов, проходила по шишкова-

тым от наростов корням деревьев. На лебедке можно бы перетащить автомашину через любое препятствие, но дальше снова начинались камни и сосны. Как рассказывал Сергей, хоть эти деревья довольно тонкие, их возраст исчислялся десятками лет. Годовые кольца плотно сжимались, сохраняя сердцевину от арктических ветров, и потому их древесина — твердости необыкновенной. Рубить ее — всё равно что камень: только тупить топор. Да и рубить такие деревья здесь грех... Наверно, за день мы могли бы сходить на мыс пешком — но для моих попутчиков смысл путешествия состоял в том, чтобы покорить его именно на своих авто.

И все-таки выход нашёлся. Идти к мысу нужно по обнажившейся в отлив отмели — так придумал Сергей:

— Когда вода отойдет, вдоль берега и пройдем. Сюрпризы могут быть, берег в основном — каменная стена, а на пути могут встретиться и ямы, и каменная осыпь, но можно попытаться. Обратно вернемся — ну, например, через сутки.

От простоты и парадоксальности решения все, наверное, кроме меня, пришли в восторг. Нюша целовала Сергея и кричала: «Гений, гений!» — и восхищенно смотрела на него. Дальше произошло ужасное: идти решили налегке, оставив всё ненужное в лагере. Но, кроме барахла, они решили оставить и ... ненужных людей. Тут я даже малодушно заподозрил, что Сергей всё просчитал наперед и затем-то меня с собой и взял: неспортивного, неазартного, мешковатого «ботаника» — чтобы, в случае чего, было кому сторожить лагерь. От обиды я задохнулся, отвернулся и, боясь, что сейчас зареву при ребятах, при Нюше, ушел из лагеря. Я долго брел вдоль моря, потом сидел на камне, позорно размазывал, солонее этого зеленоватого моря, слезы. Сидел, уговаривал себя — во что бы то ни стало проглотить обиду, виду не показывать. «На обиженных воду возят», как говорит моя мать. Я же кто в поездке? — турист,

прихлебатель, которому предложение Сергея рвануть с ними на Севера — за счастье. А они — первопроходцы. В конце концов я собрался с духом, решив вернуться как ни в чем не бывало — будто бы собирал дрова. Решение принято, оставалось его исполнить. Но, войдя в лес, сразу забыл про свое горе, попав на небольшую полянку, красную от ягод, — их было так много, что глаза отказывались верить. По вкусу понял — брусника. Спелая, с редкими белыми бочками, очень крупная и сладкая. Ягоды висели тяжелыми кистями на небольших кусточках с жесткими листьями — я первый раз видел, как брусника растет. Раньше на рынке мать покупала у веселых, наверняка приехавших из подобных мест, теток, которые продавали её без весов, меряя стеклянными банками. Тут же, на полянке, на кочке с брусникой, я нашел корень, очень похожий на белку. Мордочка из отломившейся ветки, глаза — лунки от выпавших сучков, даже лапки при удлиннном, слегка выгнутом тельце — были! Сучок отломился от сосны, и золотисто-рыжая кора усиливала сходство со зверьком. Я посадил белку на ветку, решив привести сюда Ньюшу. Во что бы то ни стало... Когда, груженный сушняком, я пришел в лагерь, никто не обратил на меня внимания: вовсю шла подготовка к переходу. Сергей на растянутом брезенте продувал карбюратор, который, по его словам, «капитально засрало», перебирал железки, вытащенные из-под капота. Ребята вытаскивали из авто полупустые канистры и запасные колеса, инструменты и продукты, и запчасти, и сумки с вещами. Лебедку решили взять только одну. Минимум продовольствия, пару пятилитровых баллонов питьевой воды — вдруг там её нет, водки, на мой взгляд, очень много — по бутылке на нос, столько же, сколько и сгущенки, тушенки — полторы банки на нос, ещё шоколад. На каждом авто сильно приспустили колёса — так увеличивалась площадь сцепления, и проходимость по вязкому грунту улучшается. Это мы уже проходили, когда тащились

по болоту.

Утром, сразу после завтрака, первой пошла автомашина Сергея — он не поленился, снял тент и прикрепил к лобовому стеклу белый клубный флаг с нарисованным козлом (рогатым и хвостатым) и надписью «ГАЗуй». Под этим флагом мы выезжали из Москвы, иногда его доставали, проезжая города. Словом, придавали торжественности моменту. Интересно, чем ближе к Северу — тем спокойней относилось к нашим «крутым», по московским меркам, тачкам, население. Или темперамент другой, или по улицам такие автомобили до сих пор тут ездят? И мы выглядели абсолютно гармонично на деревенских улицах-дорогах. Здесь, например, стали встречаться мотоциклы с колясками. Одну встречу на безлюдной дороге мы не могли вспоминать без смеха. Дедок ехал в старом, похожем на горшок, шлеме на мотоцикле «Урал» с самодельным ветровым стеклом. Выехал из-за поворота навстречу и с очень деловым видом шпарил как раз по нашей стороне, что-то высматривая в придорожных кустах, видно, не ожидал кого-то встретить в этом захолустье. Мы уж прижались к самой канаве, практически остановились, а он упрямо стрекотал лоб в лоб. В последний момент Сергей просигналил-таки. Боже мой, дед чуть в кювет не упал со своего мотоцикла. И мы, почти так же, как нам москвичи, что-то ему кричали восторженное и махали руками!

— Э-гей-гей! Денис! Береги Ньюшу! Я тебе поручил самое дорогое, что у меня есть! В случае чего — дай сигнал ракетницей — я приплыву!

Черт побери, я знал, что он это сделает, в случае чего!..

Он отъехал метров двадцать, за ним следом пошла вторая машина... Мы с Ньюшей стояли и долго глядели из-под ладоней — машины шли прямо на солнце. Затем молча вернулись в лагерь. Она обвела взглядом разбросанные вещи.

— Ну, мужики, свиньи! Такой бардак оставили после

себя. Давай приберемся...

Мы стаскали вещи под навес, сооруженный на случай дождя. Разложили — железки отдельно, продукты отдельно. Потом варили обед — на сей раз на двоих — в маленьком котелке. И я думал, что готов вот так сидеть рядом и чистить картошку, и даже мыть котелок, лишь бы быть вместе с ней — хоть всю жизнь. Во время еды она вдруг вспомнила: вроде как нельзя сразу после отъезда прибираться — примета плохая. И задумалась. Я быстренько допил чай и позвал её погулять, обещая кое-что показать — облазить соседние валуны, поесть брусники. Когда мы вышли на ту самую полянку, то прямо из-под ног со страшным шумом рванулись большие коричневые птицы. Нюша отшатнулась, испугавшись, схватила меня за руку... А птицы расселись невдалеке на соснах и следили за нами.

— Кыш-кыш, кыш, — махала она руками на них. — Край непуганых идиотов!

Она умела обидные слова произносить с такой нежностью в голосе, что было не обидно. Так что на месте этих, действительно, идиотов — на них кричат, руками машут, а они только поглядывают из-под подведенных красным бровей — хотел бы оказаться я. Только не быть бы пустым местом — как часто бывало со мной в школе.

— Да ладно, смотрите, за смотрины платы не берем, нам не жалко, правда, Денис? Ой, а это что? — она нашла мой сучок и тоже в нем увидела белку... Ягодами мы наелись быстро — пожалели, что не взяли с собой котелок, решили прийти еще и сбежали к морю: прилив еще не начинался. Лишь ближе к вечеру дорога, по которой уехали ребята, окажется под водой. Море надежно отрежет нас. В той стороне, куда они ушли, над мысом было видно, как мелькали чайки. Мы быстро выкупались, потом еще долго лежали-загорали. Когда не было ветра, жара стояла просто невыносимая — если бы я точно не знал, что рядом Полярный круг — не поверил...

Я даже не знаю, как все это произошло. Сначала она мазала мне спину нежной няшей из прогретой лужи, оставшейся после отлива, потом я ее, потом стали мазать друг друга, потом мы стали смеяться, а потом начали целоваться — такие вот чумазные и скользкие, с привкусом моря на губах. Грязь засыхала на нас, стягивала кожу, а мы всё целовались — губы в губы — всё остальное-то было грязное! А потом купались в ледяном море и опять грелись на песке, и смотрели вдаль. Ну, надо же — ни одного парохода за три дня, как мы здесь, ни одного человека — только вот эти тетерева да чайки — там, куда ушли наши, да заяц, который сидел, наострив уши, и смотрел, когда мы пробирались через топь, который никуда не спешил и ничего не боялся. Да эти морские звезды и ракушки. И мы — самые живые и молодые. И только — мысль: «А как же Сергей?» — и: «Как она со мной, если?..» — не давала мне покоя. Но день кончался — завтра должны вернуться ребята, а я становился все скучнее и злее. А она как будто и не замечала — готовила еду, разговаривала на своем птичьем языке с огнем: «Вот ведь, какой — не крапива, а жжешься», с кашей, лезущей из котелка: «Ты бежишь, и я бегу, и челочки у нас назад», с чайником: «Хватит плевать против ветра, запарил всех». И мне досталось с ними заодно: «Хватит маразмом страдать». В очередной раз, проходя мимо меня, чмокнула в затылок — точно так, как она делала, когда на этом же бревне сидел Сергей. А потом она обнимала меня — сзади, опять точно так же... А я вдруг потерся щекой о ее руку, и меня словно током шибануло: как Сергей! Но я так ничего не сказал ей, ничего не спросил у нее — наверное, кишка у меня тонка.

А потом, когда стемнело, в полной темноте мы опять ходили к морю — она на сей раз меня-сманила. Обнявшись, долго смотрели на звезды — их были мириады...

А ночью в палатке — я уже почти спал — она вдруг спросила, мне даже показалось, что во сне: «А ты меня

не оставишь? Не потеряешь? Не бросишь?» Как ей такие мысли могли прийти в голову? Как она могла такое себе навыдумывать? Я ничего не сказал, только прижал ее к себе сильно-сильно...

Они вернулись, как и хотели — как только вода отошла, там, над мысом, заметались чайки, чуть позже появились темные пятнышки, из которых стала вырисовываться машины. Они шли медленно, и лишь спустя время стало видно, что первым едет не Серега, а Степа, а Серегиного «козлика» тянут на тросе.

— Опять что-нибудь с карбюратором? — озаботилась Нюша. Но случилось совсем другое. На второй машине — издали виделось, что везут жерди, но вблизи оказалось, что поперек авто закреплены носилки, на которых лежал Сергей. Мы с Нюшей побежали к подходившим машинам.

Нюша страшно кричала: «Папа, папа, что с тобой?!»

Тот, приоткрыл глаза, постарался улыбнуться — это у него плохо получалось... Она гладила его и повторяла: «Папка, папка, ну, зачем же ты так?» Меня ошеломило — как потом я понял, только меня, потому что все, похоже, знали, что Нюша — его дочь. Почему же она никогда не приходит к нему в семью? Я никогда не видал ее в доме Сергея, хотя, впрочем, на фотографиях из походов я ее видел! Понятно стало его нежное отношение к девушке, благоговение перед ней. Какой же я был дурак — парни со своими девчонками совсем не так себя ведут! Но долго думать некогда — нужно начинать срочно собираться.

Как потом рассказал Степан, когда прибыли к мысу, оказалось, что наверх ведет крутой подъем — можно было крюк бросить и на лебедке затащиться, по крайней мере, тросом подстраховаться. Но Сергей решил заехать на кручу сам, без страховки. Уже на самой вершине он сильно газанул, колесо выдрало камень, нос вздернулся и «газик», помедлив, опрокинулся. Сергея выкинуло из кабны. Его везли на носилках, которые связали из жердей, для жестко-

сти примотав его, чтобы не стало хуже — ноги не действовали, видимо, травмирован позвоночник...

— Машину не бросайте, — просил Сергей. Но отремонтировать не было никакой возможности. Только получив обещание, что, едва доставят его в больницу, ребята сразу вернутся за ней, он разрешил нам трогаться. Я тогда еще подумал, что Степан врет ему, как это часто делают с больными — из лучших побуждений.

Через всю эту топь, где машины рычали и хрипели, плевались и газовали, выдавая в липкий воздух синие облака дыма, носилки мы несли на руках. Если путь к морю нам казался адом, теперь думалось, что тогда мы шли налегке. Но, честно говоря, я благодарен мужикам, что меня не освободили от ноши, не сделали никакой поблажки. Я был в команде, наравне с другими. И я шел, пот заливал глаза, на плече от ручки носилок, казалось, лопнет кожа. Я придумывал себе, что это война, самая настоящая война, и на носилках — раненый командир. Ну, и еще всякую дурь, но с этими выдумками идти становилось легче. Дома, когда мне делалось невмоготу, как говорила Нюша по другому поводу — когда бегали на коротких остановках в кусты, — «прихватывали комплексы», я надевал тельняшку и подолгу стоял перед зеркалом, убеждая себя, что я десантник — сильный, смелый, что все могу и все умею, ничего не боюсь, и все меня уважают. Ну, разумеется, когда мамы не было дома.

Мы все почему-то очень надеялись на вертолет и оттого шарили глазами по лоскуту безоблачного неба, синевшему между деревьями. То и дело проверяли, не появилась ли связь. Но она все не появлялась, даже когда навстречу стали попадаться местные жители. От первого же встреченного, водителя старенькой «копейки», мы узнали, что ближайший медпункт в ста пятидесяти километрах. Это уже совсем нас не пугало, хотя дорога была разбита в хлам и ехать приходилось очень осторожно.

До поселка, застроенного барачного вида домиками, добрались уже затемно. В больничке — одноэтажной и деревянной, в кабинете с покатым полом и дешевыми обоями пожилая врачиха после осмотра Сергея разговаривала с Нюшей. Та позвала меня и Степана. Оказалось, что рентгена нет, но и без него видно, что случай сложный, и медлить никак нельзя. Прямо при нас она очень долго пыталась связаться с кем-то по военной рации. В конце концов выкружила вертолет: утром газовщики летали куда-то за питьевой водой для своих офисов, и она договорилась: Сергея заберут. В Архангельск улетала и Нюша. Узнав, что она дочь, её взяли на борт. Еще сутки мы вытягивали через болота Серегин автомобиль. Потом ребята пытались вправить обратно кардан — но опять ничего не получалось, и они договорились оставить машину у дома той же врачихи: «Никуда не денется эта колымага, кому такой металлолом нужен? Ох уж эти москвичи! А говорят, Москва богато живет. Тоже мне, «богачу — наворочу».

Обратно возвращались молчаливые, сильно гнали, мужики менялись за рулем, перекусывали на ходу, практически не делая привалов — у Степана кончались отгулы. Когда въезжали в Москву, то почти не отвечали сигналившим всюю москвичам, радостно махавшим нам из своих необыкновенно красивых и, наверное, комфортных иномарок. Кое-кто из них не ленился приспустить затемненные стекла и высунуть разномастные поднятые вверх большие пальцы. Но наш флаг со сломанным древком лежал где-то глубоко под вещами.

Жену Сергея дома я не застал — ей позвонили из Архангельска, и она сразу туда уехала. А вскоре я уходил в армию. Когда через год пришел в отпуск, в квартире Сергея жила другая семья — пожилой дядечка с красавицей-женой и крошечной дочкой. Оказалось, Сергею на лечение требовались деньги. Жена решила продать квартиру в городе и купить что-нибудь подешевле, в Подмосковье.

Куда они переселились — ни моя мама, ни соседи не знали. Я ездил в автосервис, где раньше работал Сергей, — там поменялся хозяин, и весь коллектив обновился, вовсю орудовали гастарбайтеры. Съездил к гаражам, откуда год назад начинался наш поход. Но там никого не было видно, а трава, вылезшая из щелей между воротами и асфальтом, доказывала, что тут давненько никто не появлялся.

Но с выбором профессии я определился. Нет. Я не художник и не компьютерщик, не ремонтник автомобилей и даже не профессиональный путешественник. Я буду врачом санитарной авиации или стану работать в бригаде спасателей. Чтобы, оглядывая с небес дали, вывозить к жизни усталых людей. Лечить Серегу, чтобы не пришлось продавать его жене квартиру.

Я уже уезжал на вокзал, когда мать вдруг подала мне несколько конвертов: «Извини сын, меня, дурочку, жизнью битую. Мне казалось, что мужчине, чтобы развиваться — свобода нужна. Так я и твоего отца отпустила — не боролась за него. И зря, наверно — ведь мужики народ куда хлипче нас, женщин. Спился твой отец, потерялся, сгинул. Думала, ты — молодой, тебе же еще учиться нужно, некогда о других думать, семью заводить... Но тут решила — вдруг со мной что случится, один ты на свете останешься. Если она хороший человек, девчонка та твоя, держись за нее. Это, видать, эгоизм родительский во мне говорил».

Письма были от Нюши. Адрес ей, конечно, подсказал Сергей. Она, как и хотела, в этом году учится уже по двум специальностям, будет психологом и логопедом. Про отца пишет, что ему лучше жить в своем доме, где можно выбираться в сад. Приложила фотку — рыжая, большеротая, как всегда, улыбается на все сто, самая милая, моя дорогая; она сзади обнимает Серегу, а тот, как обычно, с достоинством принимает ее любовь и держит за руку свою Надежду — та немного похудела. На заднем плане — зеленые кусты, яркие цветы — это, наверное, и есть их сад. Она, оказыва-

ется, бывает у отца каждое воскресенье...

Нюша успела прибежать на вокзал. Косы у нее не было, от прически прежней осталась разве что челка. Когда поезд тронулся, она шла до самого конца перрона за вагоном, а в руках ее прыгала та белка, которую мы вместе нашли на брусничной поляне, — сначала нашел я, а потом — она.

ОНУФРИЙ

— Мама, дай мне небольшой пакетик целлофановый, бумаги упаковать.

— Иконку возьми... — вместе с пакетом мать протянула картонку размером с карманный календарик.

Покупая иконы в местном храме, она снабжала ими всех родственников: привозила, приезжая в гости, дарила всем уезжающим «в дорожку», каждому — на именины, всем — в машину и портмоне. Эта икона, видимо, была специально для охоты.

Водительское удостоверение, охотничий билет, разрешения на оружие и на добычу водоплавающих и мамину иконку он аккуратно завернул в целлофан и заклеил скотчем: не дай Бог, подмочишь документы, краска печатей потечет — потом запаришься по инстанциям бегать, восстанавливать.

...Однако охота не задалась. Все хлопоты с зарядкой патронов, запасом питания, дорогой на озеро — без малого сотня километров по разбитой грунтовке — шли коту под хвост. Всему виной пронизывающий ветер и дождь. С низкого, клочковатого неба того гляди сыпанет, как дробью нулевого номера, снежной крупой. Какие тут утки? Опоздали в этом году объявлять охоту. И он резко развернул легкую, послушную лодку к берегу.

И тут она с чем-то столкнулась. Он почувствовал удар в её накачанный до легкого гула бок и краем глаза заметил, как в темной воде пошло в сторону и вглубь серое тело, по всей видимости, топляк. Дрейфующими корягами, как гигантский аквариум хищными рыбами, как нейтральные воды подводными лодками, было заселено это озеро. Шотландских аборигенов стоило бы переселить сюда — подозрительным жителям окрестностей озера Лох-Несс тут куда больше простора и поводов для фантазий. Своих аборигенов здесь не было. Лет сто назад к разрушенному монастырю, чьи развалины были видны из любой точки озера, в праздничные дни стекались тысячи прихожан. А сейчас

на берегах появлялись люди лишь для рыбалки и охоты да во время ягодного сезона.

Озеро, образованное на месте гигантского следа последнего ледника, зарастало. На низких берегах рос белый мох, над ним стояли сосны, которые особо морозными зимами вымерзали. К лету на погибших деревьях жухла хвоя, она осыпалась, потом медными пластинами слетала кора, а потом и стволы — уже серебристые, в сухую погоду почти белые, похожие на скелеты гигантских рыб, со смертным скрипом падали в воду...

Поэтому на надувной лодке в озеро лучше бы не соваться. Рыбаки прямо на берегу сделали пару долбленок из стволов осины, для устойчивости укрепив по бокам длинные доски, и пользовались, как при социализме, — по потребности. Но сегодня такой лодки ему не досталось. На озере собирали клюкву приехавшие из города «синяки», работавшие тут в основном за дешевую водку. Они заняли охотничью избушку, и кто-то из заготовителей с утра уплыл на мысы — на плавучие, плотно сотканые из корней водных растений, острова, где клюква родилась необыкновенно крупная даже в неурожайные годы.

А он, отчаявшись с берега разглядеть спрятавшихся от непогоды уток, решил пройти вдоль прибрежного камыша на привезенной из дома «лягушке», взятой, чтобы доставать дичь из воды — если охотишься без собаки, нет ничего обидней, когда добычу уносит прочь сговорившийся с течением ветер. Проплыл он немало, но так и не увидел ни одной птицы. Уже сбившиеся в стаи, утки, видимо, прятались от непогоды на другом, подветренном берегу. Он захотел сплавать до ближайшего мыса, но на полпути передумал — волна поднимается, и вот так рискованно повернул... Он опустил весла в воду, чтобы падающие капли не мешали слышать, напрягся — и да? или ему показалось? — уловил еле уловимое шипенье, похожее на звук потревоженной гадюки. Неужели прокол? Лодка

была самая дешевая, одноместная, купленная для летних забав детей да для рыбалки на речушке под окнами дачи. И если воздух из нее начнет выходить, то выйдет весь: нет в ней запасных секций, какие бывают у подводных лодок и огромных кораблях, где за счет герметичных отсеков можно сохранить плавучесть... Несколько секунд он не верил своим ушам, трогал ногой борт — не ослабел ли? Потом вспотел, потому что да, да, борт стал чуть-чуть мягче. Или опять показалось? И он метнулся от весел к борту, и зачем-то закрывал ладонью, нет, не дырку, а невнятную царапину на резине. Почему-то вспомнились космонавты, которые погибли из-за разгерметизации спускающегося корабля, и кто-то говорил — «пальцем могли бы дыру зажать»... Мозг лихорадочно работал. В его рюкзаке, лежавшем в лодке, был коньяк во фляжке из нержавеющей стали, и с любовной гравировкой стаканчик, и хлеб, и пара вакуумных упаковок его любимого бекона, и набор манков, и коробки патронов, снаряженные всеми номерами дроби и даже пулями, запасные носки, и нож в чехле из рыжей кожи буйвола, и такой же ягдташ... Было всё, но не было липкого клейкого листа пластыря, липкой заплаты, набора типа «Скорая помощь лодке». И потому борта лодки обмякали, из них медленно, но верно уходила уверенная упругость и сила, и он, чертыхнувшись, метнулся обратно за весла, и лихорадочно, рывками стал грести к берегу. Лодка пошла по густой, словно готовой замерзнуть воде, медленно, но верно набирая ход. Он энергично, мощно, помогая всем телом, греб, всё сильнее потея, но расстояние до берега почти не уменьшалось и темная полоса невразумительных камышей казалась недостижимой.

Он уже не ощупывал борта — просто чувствовал, что дно лодки всё мягче, а на бортах появились заломы, которые становились всё глубже и глубже. И вот уже через них плеснуло водой, и еще, и еще. И вот борта опали так, что вода зашла в лодку, и он оказался сидящим на надув-

ной подушечке в воде. Спасая ружье, он закинул двустволку за плечо и снова продолжал грести, глядя, как темнеет, набирая воду, его рюкзак. Но вот при откидывании назад замочило низ спины, еще пять мощных гребков — и ледяная вода обожгла тело. Он вскочил, дно под сапогами глубоко ушло вниз, а лодка сразу сбросила ход. Он вытащил весло из уключины и пытался, как индеец, грести стоя. Нос и корма двумя пузырями торчали на поверхности, он отчаянно работал веслом, до тех пор, пока не понял, что почти стоит в воде, а полузатонувшая лодка никуда не движется. Он глянул на рюкзак, выплывающий из лодки, скинул с себя ватник, помедлил, решая — брать или не брать ружье, подарок, штучного исполнения, в конце концов закинул его за спину и бросился в воду — хотел оттолкнуться, но лишь отпихнул от себя зеленое полотнище с остатками воздуха. С ружьем пришлось попрощаться почти сразу — оно не давало плыть. Холод железными обручами стянул грудь, стало тяжело дышать, сапоги наполнились водой, и он стащил левый, со вторым пришлось повозиться, но вот и он бесшумно скользнул в глубину, блеснув глянцевым боком. Где-то маячила земля, и он экономно плыл, стараясь не выложиться сразу. Как на марш-броске в армии — главным было рассчитать силы. Хотя он знал, что секундомер включен, — в ледяной воде всё решает время. Впрочем, морякам с «Комсомольца» в Норвежском море в ледяной воде наука давала не более шестнадцати минут жизни, но они продержались восемьдесят. Правда, выжили только невысокие и плотные, совсем не такие, как он — тощий и звонкий, как алюминиевое весло. Но об этом он старался не думать. От методичности, от того, что курс он держит точно на приметное дерево, чуть левее развалин монастыря, у него появилась уверенность, что доплывет. Но вдруг судорога с резкой болью пронзила ногу. Он подтянул колено к животу, изо всех сил одной рукой тянул стопу на себя, а другой — то бил кулаком, то щипал ставшую деревянной

икру и по-звериному кричал...

Едва боль отпустила, он поплыл снова. Но уже суматошно, нервно, неэкономно, и не сразу заметил, что ориентир оказался где-то в стороне. Хотя берег вдруг оказался совсем недалеко. Но на эти пару десятков метров у него не осталось сил. Оцепенение пришло на смену его барахтанью, ему вдруг стало всё равно — выплывет или нет. Воля к жизни кончилась, как воздух в лодке, и он вяло, почти безразлично подумал, что ничего не хочет, но все-таки стал, почти по-бабьи, слезливо прощаться с женой, матерью, дочерью, и потом, почти в беспамятстве, в смирении напополам с накотившейся неведомой ранее тоской, он пошел из неприветливого и несправедливого мира вниз, ко дну. Его тело походило на гигантскую личинку, на скукоженный, погруженный в эфир эмбрион, когда его нога в тонком черном носке коснулась дна. И он очнулся, словно от этого касания в нем заработал инстинкт самосохранения. Как у младенца, что никак не научится ходить, вдруг проснулась генная память. От касания с землей он то ли ожил, то ли у него открылось второе дыхание — он встрепенулся и оттолкнулся ото дна. Ему даже показалось, что сделал он это сильно, мощно, но на самом деле все выглядело как на кадрах хроники с первыми шагами человека на Луне: медленно и плавно. Как астронавт, преодолевая гравитацию, он оттолкнулся еще, и еще, и, выскакивая на воздух, хватая его болящими легкими, что-то кричал.

«Мама, почему так больно?» — пронеслось у него в мозгу. Но он не додумал до конца ответ. И выпрыгивал, выпрыгивал к воздуху, к свету. Когда уже без сил, с протянутыми — вперед, к земле, к суше, к семье, к дочке, к жизни — руками, он упал на берег, его подхватили и потащили куда-то двое мужиков из числа тех самых «синяков», бичей, что работали тут на заготовках.

...Обуви его размера так найти и не смогли, и из машины к матери он вышел в драных тапках, в чужой одежде,

небритый и все еще дурной от паленой водки. За сутки он до неузнаваемости изменился, осунулся — словно запас здоровья вышел в озерную воду той розовой пеной изо рта. И еще, заметила мать, словно осенний морозец прихватил на его щеках лихорадочно пробившуюся щетину.

...Через пару недель с оказией из тех мест передали его документы. Военный билет, охотничий билет, разрешения на оружие и на добычу водоплавающих, документы на машину, права, а сверху — иконка местного святого Онуфрия Катромского в недорогой пластмассовой оправе. Стянутый скотчем целлофановый пакет подобрали охотники. Его прибило ветром к берегу, и он вмерз в озеро, которое начало вставать, как всегда, со стороны поросшего белым мхом берега.

РЫБАЧКА

Сначала он отвечал маме на её просьбы взять с собой: «Не женское это дело». Потом на мои — «не детское дело». А потом мы перестали проситься. И его не было дома всё больше времени — он уезжал на свою рыбалку.

Что я никогда не стану рыбаком — это решено с того дня, как отец ударил меня. Я ходил тогда в первый класс. Воображая себя охотником на пираний, частенько играл металлическими рыбками с маленькими якорьками у хвоста. А однажды без спроса взял спиннинг и, выйдя на балкон, постарался закинуть блесну. Как это делается, я знал: отцовская коллекция толстых видеокассет мною регулярно просматривалась... Спиннинг затрещал, блесна полетела и приземлилась на газон, а катушка продолжала крутиться, вокруг нее вспенилась леска. Я не додумался перемотать всю катушку, просто закрутил «бороду» леской и трусливо поставил спиннинг на место — за шкаф. Когда отец засобирался на рыбалку, я и услышал это грозное: «Ну-ка, иди сюда!» Я боязливо заглянул в комнату, он, держа в руке злополучный спиннинг, подошел и ударил...

Но на рыбалке я всё-таки бывал. Потому что смутно помню: мы ночевали в палатке. Я проснулся, осторожно высвободился из-под маминой руки... От озера сахарной ватой — такую продают в детском парке — тянулся туман, было тихо-тихо. Трава, кусты и даже деревья прикрыты белыми прядями, словно у продавца ваты, полного дяди с женским голосом, закончились деревянные палочки, на которые он наматывал эту вкуснотищу, а волшебный горшочек варил и варил... Я пошел к воде, а одно из деревьев — с остроконечной верхушкой, стряхнув с себя белый дым, вдруг шагнуло мне навстречу и подхватило на руки. Не подумав испугаться, я поднял глаза — из-под капюшона на меня смотрели смеющиеся глаза: это был папа, в своем военном, в каплях росы, плаще, который почему-то назывался «палаткой»...

Сейчас отец редко бывал дома. Наведывался, чтобы

решить вопросы по бизнесу, которые не решались по интернету или телефону. И снова уезжал на рыбалку – на угрей в Саргассовом море или палтуса в Норвегии, на мурену, тунца, на сардин, на ската, на меч-рыбу... Мама перед его исчезновениями ни о чём не спрашивала, просто смотрела.

– Что случится – сообщат, – раздраженно отвечал он на этот взгляд. – Но что со мной может случиться?..

Я никогда не стану рыбаком, потому что не хочу быть похожим на него – у меня совсем другая мечта. Я накоплю денег и куплю себе пистолет. И тогда весь мир узнает... Что узнает, я ещё не придумал, сначала мне нужно купить оружие. Проблема в том, что деньги копятя крайне медленно. У отца их – как икры у рыбы-луны. Но он думает, что карманные деньги – зло. И маме их выдаёт, требуя унижительного отчета по чекам, считая, и не без оснований, что она всё равно пропьёт... Но я-то не всегда буду школьником, вырасту – и тогда, тогда... Все ещё посмотрят.

В трудовой лагерь я напросился сам – потому что летом дома совсем нечего делать. Там, может, будет тяжело – месить бетон, носить кирпичи. Но мы уже старшеклассники, а я на голову выше тех гастарбайтеров, что строят дом возле нашей школы. У отца я просил денег на поездку и видел, что он рад моему решению, даже исполнил главную свою песню: «Я рано стал работать...» Дальше шла лекция, что те виды рыб, которые нянчатся со своими икринками, держа мальков во рту, находятся на грани вымирания... Припев отцовской песни давно известен: «Я сам всего добился!»

«Чего добился?» – хотелось мне его спросить. Огромный пустой дом, где никто вместе не смотрит телевизор, не справляет праздники, не ужинает за одним столом. В просторном дворе кирпич, из которого сложена печь в летней кухне, уже начал крошиться, словно печь – ровесник египетских сфинксов. И всё из-за того, что ее

не используют по назначению. Я в ней прячу сигареты, в полной уверенности, что их никто там не найдет...

Из нашего дома я с радостью убегаю в школу, чтобы пообщаться, поговорить. В большом доме обитаемы только моя комната, где я обычно сижу в интернете, и мамина спальня, в которой она, пока есть деньги, смотрит свои пьяные сны... В той квартирке, на втором этаже старой пятиэтажки, мы были ближе друг другу – видимо, само тесное пространство заставляло быть вместе, разговаривать, обсуждать фильмы, которые смотрели сообща – телевизор был один, впрочем, как и диван.

– Ну что, гоблины, готовы к труду и обороне? – приветствовал, построив нас у автобуса, главный Гоблин – учитель физкультуры, оптимист и здоровяк, всегда одетый в один и тот же спортивный костюм. Гоблинами он нас называл потому, что не запоминал наши имена и фамилии – или был не способен это сделать, или просто не напрягался. Зная эту его особенность, мы безбоязненно сдавали нормативы друг за друга. Впрочем, он когда-то сумел стать чемпионом мира по боксу, за это мы его уважали. А Гоблином называли, видимо, автоматически, для защиты, чтобы как-то не уронить самооценку.

– Итак, зачистим столицу нашей Родины от себя? Не слышу ответа. Ну-ка, все вместе отвечаем: зачистим столицу Родины от себя?

– Да! – не очень стройно отвечали мы.

– Дадим родной полиции сходить в отпуск?

– Да!

– Дадим предкам от нас отдохнуть?

Мы уже сносно, довольно дружно орали, недоуменно косясь на четверых девчонок из параллельного класса, которые тоже ехали с нами.

– Знакомьтесь, это сменный воспитатель. – Николай, его напарник, больше похожий на сына, одетый в спортивный костюм, казался лишь чуть-чуть старше нас. – Какие

вопросы будут?

– Зарплату, согласно Трудовому кодексу, будем дважды в месяц получать? – спросил из строя Ёжик Гоша, мой друг, с пеленок рассматривающий мир исключительно с юридической точки зрения. Он у нас самый мелкий в классе, короткие черные волосы торчат как иглы у ежа, вот и зовем его Ёжиком...

– Заработай сначала! Чтобы ты ещё не оказался должен! – заткнул его Гоблин и скомандовал: «По машинам!»

И мы помчались в автобус занимать места.

В дороге, на остановках, мы пару раз пили «из горла» пиво – прямо за ларьком. Знатоки говорили, что едем «к волку в зад» и там супермаркетов нет. В это с трудом верилось, но и в моем рюкзаке вместе с минералкой появилась бутылка пива. Воспитатели сидели на передних сиденьях, мы автобусе снова, по-тихому, бухали, так что Ёжик Гоша заснул, и я всерьёз побаивался, как бы его не стошнило на мой рюкзак.

А на въезде в лагерь автобус тормознули, и двое – один с коричневой таксой на поводке – вошли в салон.

– Оружие, алкоголь, наркотики, дети, везём? – весело спросил рыжий худой полицейский с прыщиками на носу.

– Везём, дядя, – в тон ему ответили мы.

Кривоногая собачка просеменила в хвост автобуса и там под сиденьем обнаружила в целлофановом пакете какую-то траву. Никто не признался, чья она, никто на этом месте не сидел, но менты приказали открыть для досмотра наши рюкзаки. Пиво, водка и даже текила из чьего-то домашнего бара быстро переключевали в потрепанную милицейскую сумку.

– Это частная собственность, – пытался отбить свою бутылку вина Ёжик Гоша.

– Сколько тебе лет, собственник? Может, заявление напишешь, что и травка твоя?

Нет, менты были не злобные, какими обычно их пока-

зывают по телевизору, они даже веселились и шутили. А нам не до смеха — наши запасы были разорены. А трава — так и непонятно, откуда взялась. Мы пообсуждали и решили, что нам её подкинули. Причем не факт, что там была наркота — может, просто сено. «Наши судебные перспективы были бы неплохие», — с большим опозданием сделал заключение Ёжик Гоша.

Лагерь «Лесная сказка» был и вправду, как нам казалось, у волка в зад: в сосновом бору стояли деревянные корпуса. Интернета не было. Позвонить по сотовому можно только у трех сосен, на краю заросшего травой стадиона. Это место показала нам Лена — молодая женщина, работница лагеря, первый человек, которого мы встретили тут.

Все четыре корпуса пустовали — нас поселили в самом большом, рядом со столовой. Лена, невысокая худенькая женщина в мужской футболке, в леггинсах и ширпотребовских фиолетовых шлёпках, позвякивая связкой ключей, как мне показалось, с гордостью, одну за другой открывала комнаты и с какой-то стати радовалась нашему приезду. Нам досталась комната с четырьмя кроватями и санузлом. Кроме кроватей — стол и в углу вешалка. Обои вроде как свежие, но цветами и веточками напоминали бабушкины...

— Дерибас, — осмотрев комнату, сморщил конопатый нос Костя Гвоздев.

— Да не, нормально. Прикольно даже, в Словении мы в таких жили, — сказал Рома Гавшин, самый умный у нас в классе. Родители его всё время куда-то отправляли, и он часто опаздывал на учебу, прихватывая несколько дней, а то и неделю, возвращаясь с каникул.

— Да, уж лучше, чем дома — мы в однушке вчетвером живем. Но у нас — тряпки, мебель, ребенок маленький, — поддержал Ёжик Гоша. — Но всё же, — дополнил, — до санитарной нормы комната не дотягивает.

Жизнь наладилась — у Костяна оказался кальян, а в полукилометре нашелся пивной ларек, где продавец,

чуток нас постарше, охотно продавал нам и пиво, и сигареты, по спецзаказу обещал подогнать и сорокаградусной. Гоблин через день уехал в город по делам и пропал, а к его наследнику приехала девушка, и они, не стесняясь, жарились в своей комнатке так, что было слышно в каждой спальне — такие уж тут перегородки.

Призвать к порядку нас пыталась комендант Лена. Чтобы мы не выходили из корпуса после отбоя, она как-то даже закрыла входные двери на ключ. Но Гвоздев возмутился и выбил замок парой мощных ударов ногой. На шум из своей комнаты вышла комендантша и вызвала полицию. Приехали те же персонажи, что экспроприировали у нас алкоголь. Правда, без собачки и без улыбочек. Сфотографировали дверь, составили протокол. Гвоздев понтился:

— Что там дверь — мой отец весь этот лагерь может купить. Он за один день больше получает, чем вы за год.

Когда менты уехали, он подошел к двери и пинал до тех пор, пока она совсем не вывалилась...

— А чего такого? Всё оплачено! Мой папа таких дверей на одну зарплату тысячу купит! Это не вы — нищета деревенская! Аборигены! Гольё урюпинское! Да у меня отец... — кричал он в сторону комнаты с табличкой «Комендант».

В выбитую дыру потянулись холод и комары.

А вот работа никак не складывалась: сначала мы быстренько разломали — по досочкам — забор вокруг лагеря, затем, под руководством Николая, целую неделю вкапывали новые столбы. А потом только смотрели, как штакетник приколачивал Михалыч — худенький старикан, а девчонки подавали ему гвозди и доски. Дожидаясь обеда, мы купались, загорали, бродили по окрестностям, ели ягоды. Однажды насобирали грибов — они оказались съедобными, и на кухне их пожарили с луком — был дополнительный обед. Мы сделали клумбы у пустующих корпусов, но кирпича на бордюры так и не завезли. Михалыч зачем-то выдал кисточки и побелку, которую мы слили в траву, справедливо

рассудив: если сольем половину — вдвое меньше красить...

А в спальне тем временем продолжались трагедии: комендант при ежедневном осмотре увидела, что бачок у нас в туалете не сливает воду. Вызванный сантехник снял крышку и нашел припрятанную Гвоздевым бутылку водки. На всякий случай, чтобы было что сунуть под нос комендахе, он вытащил из бачка железку, мол, нужно искать замену — и спешно ретировался. В итоге с неработающим бачком жили три дня — сантехник запил. А отомстили за всё мы, конечно же, Лене — вместо унитаза ходили в ведро для мытья пола. Утром слышали, как она материлась...

Так, в принципе бездарно, но не напряжно, прошли три недели. Наступила последняя лагерная ночь. К нам в комнату пришли девчонки, их Гвоздев стал накачивать пивом, а его оказалось мало. Степка подбивал клинья к Катьке, Егор вовсю обнимал Нину. Так что бежать в ларек пришлось мне. Ясно, что воспитатель с тёлкой в своей комнате, но комендант Ленка после отбоя наверняка сидит на своей вахте — на крылечке или веранде перед входом. И потому пацаны провели отвлекающий маневр: инсценировали вылазку из окна нашей комнаты — с криком, включенным светом и хлопаньем оконными створками. А я в это время, давясь смехом, вылезал из окна на противоположной стороне корпуса... Пригнувшись, добежал до кустов — и быстренько тропинкой на дорогу. Никого не встретив, прошел с полкилометра по шоссе. Но знакомая синяя будка оказалась закрытой: козырек опущен, петли соединял амбарный замок. Ближайший магазин в селе, километрах в четырех. И я, даже не задумываясь, двинул туда...

Назад возвращался, когда совсем уже было темно, страшно гордый собой — с двумя баллонами пива и парой пакетов чипсов. Обычно мы ходили в ларек по дороге, а тут я решил срезать: гипотенуза всегда меньше суммы катетов. Я свернул с шоссе на тропинку, и мне уже казалось —

вот-вот увижу светящиеся окна нашего корпуса, но огни за деревьями всё не появлялись. Только шорох сосен, ставший недобрым, даже зловещим. «А вдруг волки?» — мелькнуло в голове. Вот бы у меня был пистолет, я бы — раз! Но пистолета не было.

Я решил вернуться и убедиться — по той ли тропке пошел. Но вернулся я недалеко — в темноте увидел, как в одну сходились две дорожки. По какой я пришел — сложно сказать. И направился по левой. Шёл-шёл, но никак не появлялось шоссе, с которого я свернул. Остановился, прислушался — вдруг услышу автомобиль, пусть редко, но они тут ходят. Ни звука, ни огонька. Стоять и вслушиваться в шум леса — стало не по себе. Я запаниковал, побежал назад, ругаясь, что не взял с собой сумку — таскать бутылки было неудобно, а содержимое пухлых пакетов, медленно, но верно превращалось в труху.

Я бежал, и уже казалось — нужно было не возвращаться, на самом деле лагерь дальше. Я просто устал... Снова шел, шел, и нахлынула новая волна страха — я понял, что в темноте пропустил развилку. А потом не мог вспомнить — перелезал ли это самое бревно, перегородившее дорогу. Мы ходили здесь днем. А сейчас всё казалось иным, страшным, незнакомым, и я неожиданно для себя... заревел. Сел на бревно, открыл пиво и, как горнист, обезображенную статую которого мы нашли в кустах, хорошо приложился. Пришла мысль, что тропинка должна же, в конце концов, куда-то вывести... И я пошел вперед. Отсчитал сто шагов и снова выпил. Отсчитал — и снова выпил. Когда впереди что-то блеснуло, я был совершенно пьян. Высыпал в рот обломки чипсов, луковых, со сметаной, причем часть их сыпанулась мимо рта, на рубашку, закинул пустую бутылку в темные кусты, вторую, полную, крепче зажал под мышкой и пошел на огонь. Но это были вовсе не светящиеся окна нашего корпуса, это был костер, который горел на берегу. И у огня кто-то сидел, а чуть дальше дымилось туманом

озеро. Мне было всё равно, кто это. Мне нужно было найти дорогу.

– Здравствуйте!

– Кулешов? Максим? А ты что тут делаешь?

Обернувшийся на мои шаги человек оказался Леной. Да, это была наша комендантша, уборщица, сторож и кастелянша в одном лице.

– Ты один? Это что, я должна вас до утра охранять? Кто вы мне? Когда же это кончится? Завтра? Вон смотри – сколько тебе лет? Я в этом возрасте ещё не знала, что такое вино. А ты лыка не вяжешь. Я с вами поседела!

Она подкинула в костер дров и продолжила:

– Думала, подработаю – у нас тут вообще работы нет. И так семья на подножном корме – рыба, огород да грибы-ягоды. Я этим летом, до вас, восемь литров земляники наварила. Вы приехали – быстро всё убрали. Что не съели – затоптали. Кто так чернику берет – с корнем, кустами?

Я что-то мычал в ответ...

– Господи, куда я такого пьяного? На себе, что ли, потащу?

Она еще что-то говорила, бессильно возмущалась, а я присел на бревно возле костра, уронил кружившуюся голову на колени и заснул. Проснулся я от холода. Костер догорал, я лежал на земле, укрытый чужим тряпьем... От воды поднимался туман, опять напомнивший сахарную вату из детского парка. Я встал, голова болела, губы на вкус были подозрительно соленые – я вспомнил, что вчера ревел, впрочем, может, это чипсы. Наверняка, лицо еще то... Надо умыться. И я, стараясь шагать так, чтобы не замочиться в росе, пошел к озеру. Вода в нем оказалась неожиданно теплой...

– Кто рано встает, тому Бог подает, – из тумана в неуклюжем плаще вышла Лена. В руках у нее была удочка. – Сейчас давай ещё немного половим, только клев пошел,

а потом быстренько сеть проверим и пойдем, — словно оправдываясь, сказала комендаха, протягивая мне допотопное удилище. — Не бойсь, до подъема я тебя в лагерь верну!

Делать было нечего, я проверил червя, забросил. Она достала из куста еще одну удочку, встала рядом. Мы молча ловили, она вытащила одну рыбку и вторую. Вдруг и у меня поплавок с белой маковкой резко ушел под воду. Я дернул, судя по сопротивлению, на крючке сидела огромная рыба. Я просто изумился, когда в руках оказался небольшой окунь — жесткий, с мелкой чешуей, сбитой в полосатый панцирь, с яркими оранжевыми плавниками. Он был удивительно сильный и упорный. Крючок вонзил свое жало мне в палец, а я вцепился в окуня... Лена, видя, как я не знаю, что делать, и неловко стараюсь удержать удилище ногами, засмеялась: «Удушишь окуня, пальцы-то расцепи». А я никак не мог их расцепить, смотрел на рыбу, на крючок и не понимал — где моя кровь, а где рыба...

— Попадет в кровь рыба слизь — и всё, пропадешь ты.

— В смысле, как — пропаду?

— Да не умрешь, просто от рыбалки будет не отвадить, — она ловко вытащила крючок из моего пальца...

Сетку она проверяла вплавь. Заставила меня отвернуться, но боковым зрением я видел, как она, зябко поводя подростковыми плечами, в одних трусах входила в утреннюю воду, потряхивала косичкой, то ли от холода, то ли от комаров. Утопленную сеть я увидел, только когда она, вглядываясь в глубину, за шнур подняла поплавок над водой. Я уж подумывал, что ничего, кроме тины, в сеть не попала, а она вдруг закричала: «О, какая красавица!» — и высвободила щуку. Она выкинула рыбку на берег, смешно, по-женски замахнувшись ею над головой, показав на секунду из воды правую грудь с темным соском.

— Держи ее, чтобы обратно не ускакала!

Потом прилетела еще одна щука, помельче. Я их, жадно дышащих, споласкивал в озере от береговой грязи и складывал в большущий мешок из толстого полиэтилена с загадочной надписью «Аммиачная селитра». Мне почему-то казалось, что рыбины похожи на Лену — длинными рыльцами и острыми зубами. Лена вытащила из сети крупную жирную рыбу, которую она назвала голавлём, и несколько красноглазых сорог размером с ладонь.

Одна из рыбешек приземлилась не так далеко от воды, а я сплеховал, не успел — пара судорожных кульбитов, и рыба плюхнулась в воду и скрылась. Я подумал: «Сейчас, наверно, начнутся бабьи вопли»... Но Лена махнула рукой и засмеялась:

— Потом больше попадет. Не всю же рыбу за раз вычерпывать...

А потом я снова отвернулся, и она вышла на берег, надела выцветшую футболку на мокрое тело и босая побежала к костру. Когда я подошел, она тянула ладони к самому огню. Ладони ее казались большими, наверное, потому что руки были очень тонкими. А губы были узкие-узкие и фиолетовые, и подбородок дрожал от холода. Я укрыл ее плащом, вытащив наверх мокрую косу, чтобы не мочила ей спину. Намоченный кончик тощенькой косицы походил на кисточку для рисования...

Она искренне радовалась удачной рыбалке:

— Да ты — талисманчик! Давно такого улова не было! Все озеро китайскими сетями сгубили. У меня-то сеть — отцовская, трехрядка, шелковая. Я ее с любого топляка сниму, не брошу. А люди приезжие теряют километры этих сетей и не ищут, они у них одноразовые. И рыба, и птица попадает и гниет.

Я подкинул в костер сухих веток.

— Много-то не кидай — скоро пойдем, — сказала Лена и почему-то спросила: — А у тебя есть отец?

— Есть.

- А чем занимается?
- Тоже рыбак, – зачем-то сказал я.
- Тоже, значит, как я, горемыка...
- Почему горемыка?
- Так оба – озером кормимся...

Я ничего не ответил. Потому что отец никогда не привозил домой рыбу – разве что искусно обработанные – отваренные и отполированные челюсти или черепа голов особо крупных экземпляров, да еще он коллекционировал скелеты экзотических рыб и хранил у себя в кабинете, запертом на ключ. А так – у нас в семье вообще не готовили рыбу. Наверное, потому, что он не терпел её запаха...

Когда солнце стало быстро, прямо на глазах, выкарабкиваться из-за озера, мы собрались и пошли в лагерь. Мы шли по тропинке – возле нее стояла трава в капельках росы, позади светило солнце, и я впервые увидел его лучи – в остатках поднимающего тумана они стали видимыми. В утреннем бору было светло, какие-то птички радостно переговаривались, и казалось странным, что несколько часов назад лес виделся мне ужасным, дорога – страшной, а в голову лезли дикие мысли.

– А волки есть здесь? – спросил я.

– Наверное. Хотя я не встречала. А вот лису – часто вижу, ходит, как хозяйка, не боится.

– А ты... А вы не боитесь?

– Зверей? А чего их бояться? С ними всё понятно, и вообще, самый страшный зверь – человек.

И она замолчала.

Мешок с уловом тащить не очень удобно – он был весь в песке и чешуе, так что не хотелось закидывать на плечо. Меня словно прорвало: я трепался без умолку – рассказывал всё, что знал интересного про рыбалку... Как нужно целиться подводным ружьем, какую приманку предпочитает тунец, как поймать ската, о ведрах крови, которые выливают в море, чтобы приманить акулу, какой на акулу дол-

жен быть крюк, какая проволока, и какую барракуду нужно покупать, чтобы изловить мурену. Рассказывал о технике: какие приборы устанавливают на катерах, как они способны рассмотреть косяки рыб и даже определить породу и глубину, на которой они ходят. О приманках с подсветкой и ультразвуком, наживках из силикона, о цвете лесок и форме блесны. Говорил и сам себе удивлялся – столько успел узнать, роаясь в интернете.

– Знаешь, сколько видов рыб в Средиземном море?

– Не-а.

– А у вас в озере сколько?

– Окунь, сорога, уклея, голавль, щука, сом, пескарь, карась, линь, судак, язь... – она, как школьница, загибала пальцы. Получилось пятнадцать.

А что в Средиземном море их более пятисот, она так и не поверила. И еще я зачем-то повторил отцовские слова, что те рыбы, которые излишне ухаживают за потомством – на грани вымирания.

– Вот и неправда! Окунь – я в районной газете читала – он и икру стережет, и личинки охраняет – и вон сколько его развелось: раньше так только ерши на голый крючок кидались!

Я замолк – крыть было нечем.

У самого корпуса, появившегося внезапно слева от дорожки, она, перед тем, как протянуть руки за мешком, щелкнула меня по носу:

– Умник! Прямо профессионал! Знала – так давно бы тебя в помощники подрядила!

И еще раз назвала меня «талисманчиком». Из гаражика она вытащила свой допотопный велосипед-«VELO советикус», объект наших насмешек. Я помог примостить мешок на заднюю беседку, она прикрутила его проволокой и, махнув рукой: «До подъема надо успеть рыбу отвезти, мать ждет», – уехала. Я, стараясь не шуметь, пошел в корпус. Все спали, на моей кровати спала прямо в одежде Нина.

Ничего не оставалось, как лечь с ней валетом. Прежде чем заснуть, я, как о другой жизни, вспомнил, зачем ходил, и что двухлитровую бутылку пива всё-таки потерял.

Почти сразу нас разбудил приехавший физрук — нужно было ликвидировать бардак и готовиться к отъезду. Потом Гоблин с Леной составляли список испорченной нами мебели, исчезнувшей посуды, разбитых стекол, сорванных унитазов, вырванных дверных ручек. Даже Ёжику Гоше стало понятно, что мы столько не заработали. Главное — уехать. И поэтому с радостным чувством мы смотрели в окно и даже кричали «ура», когда автобус, наконец, тронулся, и мимо проплыли ворота лагеря, красный конус, похожий на морской буюк, с надписью «Газ», а потом и работающий ларек.

Дома, неожиданно для себя, я стал мечтать о следующем лете, о поездке в тот же лагерь. И, вытащив из накопленного на пистолет, купил себе складную удочку. Потом подумал и купил еще, такую же. Потом — пару безынерционных катушек, наборы приманок для озерной рыбы, несколько видов лески, наборы грузиков и современные донки со столиками для прикорма — фиберы. Долго изучал приманки, решил не экономить и прикупил их. Ближе к лету у меня появились садок, удобная корзина для переноски улова и сапоги-бродни. Все это складывалось в огромный рюкзак — специальный рыбацкий, прорезиненный. Когда мама случайно обнаружила эти запасы в моей комнате, она обреченно только и сказала: «И этому рыбаку слизь в кровь попала...» Она тоже знала поверье.

Я приехал в лагерь, думая, что сейчас увижу Лену. И выложу ей подарочки, и глаза у нее загорятся, и я скажу: «Это тебе». Или «вам»? Все-таки она на много лет старше. А если она откажется? Тогда сбегу через окно, припрусь ночью на озеро и встану рядом — рыбачить. Главное, не заплутать — как тогда, ночью. В трех соснах заблудился. Как же ночь всё изменила!

Если будут ещё деньги, то стоит прикупить лодку — легкую. Чтобы не впласть сети проверять — она же, наверное, до поздней осени ловит!

В этом году все повторилось: полицейские с собачонкой, пакетик травы, и та же старенькая сумка доверху наполнилась разнокалиберными бутылками. Нас поселили в другом домике. Так что я, едва заняв койку, бросив вещи, побежал в наш прошлогодний корпус. Но в комендантской — табличка висела та же — комнате пила чай незнакомая женщина, полная и пожилая.

— Ты чё? — спросила она на своем деревенском, чаячьем.

— Я? Да я в прошлый год тут жил... — замялся я. — А Лена где?

— Лена? Какая Лена?

— Так здесь комендантом работала...

— А, рыбачка-то? Так она... А ты кто будешь? Хахаль, что ли, ее? Молодой больно.

Я смутился. Но она, сделав неизвестно какой вывод, явно не в мою пользу, продолжала пить чай из цветастой чашки, размерами напоминавшей бульонницу.

— Чё стоишь? Она не работает. Нет Лены. Вышла вся.

Это чёканье меня убивало. Нельзя, что ли, правильно говорить, лень? Но, чтобы скрыть раздражение, я стал спрашивать, растягивая слова:

— А где её можно найти?

Она, вроде как удивленная моей настырностью, выдержала паузу, но ответила:

— Где-где... Нету её. Совсем, — и, вытянув шею в мою сторону, округлив глаза, сказала: — Утопла она, осенью.

— Как... утопла? Утонула?

— На озере. В сетях запуталась. Ну, может, еще и нетрезвая была, — с этими словами она прикрыла левую грудь ладонью, видимо, там у нее было сердце. — Браконьерка дак. Да в такую холодную воду полезла. Двух паца-

нов оставила – мал мала меньше... Где у неё ум-то был?..

В тот же день я уехал домой, оставив свой прорезиненный рюкзак и удочки в чехле под кроватью в лагере. Ехал автостопом. Рыбалка мне вдруг снова стала безразлична. Я опять думал о пистолете.

ДОМ НА ПЛОТУ

Он проснулся от ощущения необыкновенного покоя. И одиночества. А может, разбудила муха, надсадно жужжавшая — запуталась, несчастная, в паутине. Он никогда прежде не просыпал восхода и заставлял солнце карабкающимся из-за горизонта, определяя по нему погоду на день. Но эта ночь была бессонной, сильным штормом мотало плот. Родители, взяв по мотку самолучших веревок, ушли крепить бревна, чтобы не раскрошило их, как вязанку хвороста, схваченную ветхой бечевкой. А Максим, оставшись один, уже прощался с жизнью, ожидая, что всё развалится — стены ходили ходуном, пол — волнами. Ему казалось, не будет больше солнца с восходами и закатами, ни глади воды, ни вечного мимо плывущего берега.

Всегда он просыпался в доме первым. Когда была жива бабушка, они просыпались вместе. И он мог наблюдать, как бабушка встает, надевает свою немудреную одежду, долго, истово молится, потом умывается под медным рукомошником. Отец никогда не мылся в доме: выходил на волю и там с удовольствием брызгался, фыркал, черпая ладонями воду из реки. Тотчас после бабушки, будто стыдясь, с обычной своей фразой: «Господи, проспала», — вскакивала мать. Максиму не было видно из-за перегородки, но по звукам он доподлинно знал — вот сейчас мать расчесывает свои густые черные волосы, вот, поплеывая на пальцы, заплетает их. Еще несколько мгновений, и она появлялась с уложенными вокруг головы косами, покрытыми на день платком. Когда Максим был маленьким, он думал, что она и спит в платке. Но однажды, когда ему приснилось что-то страшное и он закричал, мать соскочила с полатей и подбежала к нему босая, в одной рубахе. И до сих пор он помнит то свое детское удивление красотой матери: волосы черные, блестящие, ниже пояса, будто это и не мама вовсе, а Елена Прекрасная из бабушкиной сказки.

Утром отец гасил фонари на плоту, проверял снасти, а мама с бабушкой начинали готовить еду на день. Максиму

хотелось бы умыться, как отец, в реке, но ему подавали таз и поливали на ладони из ковшика. Казалось, с этим можно свыкнуться, но каждый день начинался с ощущения ущербности и непонятной вины. Сидя на кровати, Максим ожидал, пока отец перенесет его к столу, а после — к кострищу. Это была его обязанность — подкладывая дрова, смотреть за огнем, чтобы тот не вылез из кострища. Еще была задача у Максима: не пропустить — заметить встречающих. Он не знал точно, кто они такие, но представлял — должно быть, высокие, красивые люди, одетые в золотую и чешуйчатую — так сияли иные церковные купола на берегу — одежду. Когда их, наконец, встретят, они смогут поселиться на берегу. Там пол — он знал — никогда не качается, а посередине избы стоит большая и теплая печь.

Ещё Максим знал, чем займется там: он будет пастухом. У него непременно появится конь, на котором можно изъездить все окрестности, с которым можно плавать, держась за гриву — со своего плота он видел, как это делают мальчишки, живущие на берегу... Но лето проходило за летом, а встречающих все не было, и мечта стать пастухом откладывалась.

Он вырос на этом плоту. Родители, отправляясь в плавание, повесили люльку в самом надежном месте: на крюк, вбитый в стену, стена же жестко крепилась на самом толстом бревне. В стене были три окна. Снаружи, рамами в кружевных наличниках, их дом как две капли воды походил на дома, что стояли на берегу. Мать белила наличники и мыла стекла каждую весну — перед большим праздником, Пасхой. Противоположная стена тоже стояла на бревне, но окон в ней не было — лишь входная дверь, да под потолком крепились родительские полаты, всегда закрытые пологом. Две другие стены были подвижные. Закрепленные лишь в одном конце бревна, они могли скользить по пазам, когда плот колебался на поднятых вет-

ром или встречными судами волнах. Вместо оконцев тут щели-пропилы, в двух соседних бревнах. От качки они меняли форму — когда одно бревно смещалась относительно другого...

Зимой, когда плот намертво вмерзал в лед и стены переставали ходить, пазы конопатили высушенным на ветру и солнце илом, что попадался в сети. Посреди дома отец складывал печь из красных кирпичей, густо смазывая их слоем тягучей глины. Остатков глиняного теста хватало на горшки для хозяйства да для забавы Максима — в семье все любили лепить забавные фигурки и свистульки. Общая радость — обжигать их в печи, особое волнение — пробовать, какой звук издаст свистулька.

Максим любил зимние стоянки именно за эту печь, за ее особенное тепло. Мальчика переселяли на лежанку, которую устраивали под ее греющим боком. Бабушка зимами спала на печи, и с ней можно было разговаривать долго-долго, слушать сказки, пока не возьмет тебя сон. Именно на зимовке появлялось на плоту молоко: его приносила мать из ближайшей деревни. Чаще всего приносила его в холстяной тряпице — замороженным, как она называла: «кругом», сохранившим форму блюда. Дождаться, пока молоко растает в миске, было не по силам, и он колот кружок ножом и бросал кусочки в кипяток. Получалась теплая белая водица с удивительным вкусом. Однажды он чуть не заплакал, когда почувствовал этот забытый вкус — до этого не пробовал молока почти полтора года.

Зимами отец увозил с плота заготовленную за лето рыбу — соленую, сушеную, вяленую. Возвращался с мукой и солью, мясом, луком, картошкой, кадкой моченой брусники, бадьей соленых грибов, корзинкой замороженной клюквы, которую так и оставляли на улице — она не боялась мороза, наоборот, лучше хранилась. Прежде родители заготавливали дрова — на берегу валили сосны, ели, кедры. Отец с матерью уходили затемно и приходили,

когда смеркалось. Бабушка днями обычно сидела или за пряжей, или за ткацким станком и неторопливо рассказывала свою жизнь до плота — как с дедом встретились, как поженились. И даже как за яблоками в чужой огород лазила вслед за старшими братьями. Иногда она замолкала, останавливала работу, и было слышно, как звенит топор о мерзлое дерево, как с глухим стоном падают стволы. Родители приходили усталые, внося клубы пара в избу, молча переодевались, вешали не сгибающуюся ото льда одежду поближе к печи, садились ужинать... Но каждую неделю у них был выходной — они грели воду, бросая в кадку накаленные камни, и мылись в печи, настелив сушеного плавника. А потом мать пекла пироги с крупой, ягодами и рыбой. Рыбники были очень вкусные, и Максиму так хотелось взять кусок рыбы покрупней, целую щучью спинку, например. Но порядок есть порядок: в очередь чинно ломаешь корочку и рукой берешь чуть-чуть начинки.

В последние годы на стоянках дров не заготавливали: берега, едва виднеющиеся вдаль, выглядели болотистыми и не лесистыми: кустарник да тростник. Будто и не рос тут никогда лес. И отцу ничего не оставалось, как пилить бревна из плота. Маленькие чурки отец рубил для летнего костерка, а длинные — для печи. Колол их, крикая то ли от напряжения, то ли от удовольствия. А мать укладывала в поленницы рядом с домом.

Топор у отца был замечательный: всегда отменно наточен, с топорищем темно-желтым, отполированным отцовскими руками, небольшим, удобным, «ловким» — как говорил отец. Когда снимали с топора чехол из толстой свиной кожи, можно увидеть себя в начищенном лезвии, как в самоваре. Топор хранился засунутым в паз у дверей, и Максим иногда видел, как отец, просто так, без дела, достает его, пробует, плюнув на палец, острие, потом протирает его подолом рубахи... Заметив, что сын наблюдает, обычно весело подмигивал Максиму: «Бриться можно этим

топором». Сам отец носил бороду. А Максим, с некоторых пор, оставаясь один, озабоченно ощупывал подбородок: не начал ли, наконец, и у него расти такой же густой и сильный русый волос? Но, увы!.. Лишь этим летом вдруг стала зудеть верхняя губа. На ней прорастал какой-то пух. Такой же появился на подбородке, мягкий и беспомощный, как на грудке синички, которую однажды, почти замерзшую, принес отец. Максим почему-то стеснялся этого пуха и мучительно краснел, когда отец или мать смотрели на него. И однажды, когда он заготовливал лучину, сидя у костерка, улучив минуту, провел по щеке острием топора. А потом еще и еще – и противный пух срезался! Но когда дело дошло до подбородка, рука дрогнула, и Максим порезался. Кровь, теплая и липкая, запачкала пальцы, капнула на рубаху. Максим зачем-то лизнул пальцы и пополз на край плота – умыться. Неожиданно голова закружилась, он отпрянул от воды, нечаянно задел топор, и тот неестественно быстро, молчаливо, как рыба, исчез под водой.

Из избы вышел отец. Все понял: по растерянному виду едва не плачущего Максима, по пустому чехлу, валявшемуся у костра. Выскочила мать. «Господи», – увидев кровь на лице сына, метнулась к нему, потом в дом, вынесла чистую тряпицу, стала унимать кровь. Потом поняла, что утонул топор... Испуганно взглянула на сурового отца. Но тот сказал: «На стоянке два выменяю!» – и пошел проверять снасти. Порез мать заклеила разогретой смолой молодой сосны, и ранка перестала саднить уже на следующий день.

Бабушка умерла поздней осенью, тогда река всё собиралась, но никак не могла встать – плот целую неделю шёл в сплошной шуге. На бревнах уже намерз панцирь, камни, выступающие из воды, поблескивали молочным льдом. А река, превратившись в поток – уже не воды, но еще и не льда, а странной, густой, шуршащей смеси, несла и несла плот с домом посередине... Чуть-чуть не хватало

холода, чтобы остановить это крошево, впяять плот в ледяную корку. Отец из досок, что насушил летом, сколотил домовину. Мать из бабушкиных полотен сшила наволочки для тюфячка и подушки, набила их светлыми душистыми стружками. И бабушка, не желавшая просыпаться, торжественно лежала в праздничном платочке в своем новом доме. Но хоронить было негде — пристать к берегу не было никакой возможности. Дул пронизывающий ветер, нес мелкую крупу, которая отскакивала от бревен и смешивалась с шугой, не тая. Родители вынесли из дома гроб, отец забил гвозди, закрепляя крышку. Вместе они опустили гроб прямо в ледяное месиво, оттолкнули. Он отплыл чуть-чуть, выровнялся и, как привязанная к плоту лодка, поплыл рядом. Все смотрели, молчали. Мама плакала. У Максима тоже на глазах навернулись слезы. Отец не выдержал, сбегал за багром, вытянул домовину обратно. Приладил к задней стенке планку, чтобы получился маленький руль, и снова столкнул в воду. Гроб с бабушкой медленно стал удаляться от плота, отставая и забирая к берегу.

Рыбы, главной надежды на неголодную жизнь, год от году, а точнее — от стоянки к стоянке, удавалось заготовить все меньше. «Вода не та стала», — говорил отец. Однажды испортили целую бочку, добавив новый улов: рыба чем-то нестерпимо пахла. Теперь каждую партию тщательно осматривали, придирчиво нюхали. Но все чаще, посмотрев на воду, отец только вздыхал и сеть не закидывал.

Обычно вода становилась хуже после очередного города. Вонючие трубы, торчавшие над домами, непонятным образом загрязняли и воду. По мере отдаления от них вода становилась лучше, словно река самоочищалась, но после каждого следующего города все начиналось сначала. Отец уже не разрешал брать воду прямо из реки, а сделал из досок ящик со щелеватым дном, насыпал туда древесного угля и пропускал через этот ящик воду. А на стоянке он достал песка, мелких камушков и тоже засыпал в ящик сло-

ями: «Должно помочь. Теперь только нужно всё это менять». Менять песок приходилось все чаще....

Если плыть за солнцем, — часто думал Максим, когда был маленьким, — то день никогда не кончится. Но мешали берега — они направляли реку, куда хотели, иногда даже прочь от солнышка. И Максим каждый раз боялся, вдруг они уплывут туда, где солнца вообще никогда не бывает. А сейчас плот, кажется, никуда не плыл. Словно у реки кончились силы. Максим выбрался из дома. Солнце светило вовсю, а берегов совсем не было видно — словно и не бывало. Кругом лежала абсолютная гладь, и не верилось, что ночью бушевал шторм. Плот, ставший совсем коротким — весь хорошо просматривался. Он, не веря в случившееся, долго кричал... Но никто не ответил. Родители ушли ночью, видимо, навсегда.

Плот лежал, течения не было — река кончилась, превратившись в озеро. И только ветер. Ветер! Как он сразу не догадался — нужно поднимать парус и плыть туда, где встало солнце. Парус на плоту был старый, но всё равно, всё равно... Он подтянулся. Может, парус лежит, сложенный за углом дома, с другой стороны? За бочкой с питьевой водой? За ящиками с рыбой? Поленицей?

Я должен ходить! — руками он поставил ноги на два соседних бревна и, цепляясь за дом, стал подниматься. Вот он выпрямился, ему показалось даже, что стоит. Стоит во весь свой немаленький рост, стоит, опираясь на неподвижные, теплые, прекрасные бревна. Впервые так высоко — и без посторонней помощи. Радость, нет, восторг, распирала его грудь. Он отцепился от дома, он стоял! Стоял целое мгновение, а потом, взмахнув руками, не веря в происходящее, упал навзничь...

Паруса он так и не нашел, хотя обползал плот, заглянул во все уголки кочевого хозяйства. Он успел проголодаться и перекусил вяленой рыбой. Солнце уже касалось воды, обозначая границу озера и неба. Вода не была, как утром,

неподвижной. Волны покачивали плот, легонько бились о бревна. Дом привычно поскрипывал. Максим сидел на пороге и сшивал большие полотнища, сотканые бабушкой, крепкими нитями, которые просмолил отец. Смеркалось, и нужно было проверить снасти и зажечь на носу и в хвосте плота сигнальные фонари. Но ничего, парус он доделает: завтра тоже будет утро.

ЗАКРЫТИЕ СЕЗОНА

Юрчик почувал беду задом. В буквальном смысле: сидел на рыбацкой «шарманке», а та вдруг срезонировала. Почувствовали, видно, многие, но реагировали по-разному. Пожилой Митрич лишь оглянулся и продолжал удить. А Юрчик, молодяшка, бросил снасти и рванул к берегу, петляя, чтобы не угодить в лунку. Впрочем, боясь выглядеть паникёром, быстро сбавил ход.

У края льдины собрались все — человек двадцать городских мужиков, разных по возрасту и статусу, но равных по решению провести субботний день на подлёдной рыбалке, закрыть, наконец, сезон.

Зима цеплялась, как эта льдина за берег, но всему приходит конец. Утром они по перешейку вышли на лёд, а день стоял солнечный, и вот...

— Италия от Европы отломилась, — сказал кто-то.

Никто не поддержал знатока географии, хотя льдина действительно напоминала сапог, с торосами вместо Апеннинских гор. Только у итальянцев «сапог» на правую ногу, а этот — на левую.

— Ветерок дует, далеко можем уплыть...

Движение не было заметным, но до щетины ивняка уже набралось добрых двадцать метров темной озерной воды. По перешейку за зиму хребтом намёрз лёд, и какой-то идиот подсыпал песка, чтобы машина не скользила. Утром это было весьма кстати, но тёмное пятно весь день притягивало солнечные лучи, и ледяная перемычка истончилась так, что льдина стронулась. Этот толчок и почувствовал Юрчик.

— Ну, всё! Теперь придётся спасателей ждать... — кто-то уже звонил по сотовому.

— Снимали нас как-то с льдины. Всю ночь на резиновой лодке перевозили, на вёслах. Спасатели за генератором в город ездили — без прожектора приехали. Их бы искать ещё пришлось, такой геморрой... — вставил своих пятикопеечных «блэсен» Юрчик: надо же показать мужикам, что хоть молодой, но бывалый.

— Лыдина слабенькая, — если в озеро нас потащит, неясно, дождёмся ли помощи, — Митрич был авторитетом и к тому же скептиком.

— Эх!.. — мужик с ярко-рыжей бородкой, в тельняшке из-под бушлата, с красным, впрочем, как у всех тут, лицом, опустил в воду бур — замерить глубину. Сам не из гигантов, и воды ему было бы почти по грудь. — Народ, слушай меня. Промедление смерти подобно. Надо вброд идти, пока не поздно. Ветер с берега... Да не бойсь, дно тут ровное, все дойдём!

Мужики вроде и понимали, что нужно уходить, а не решались... Но этот, со шкиперской бородкой, зычно продолжал командовать:

— Так, разбиваемся на пятёрки.

Народ послушно построился, командир поменял кое-кого местами: хлипкого Юрчика поставил в центре первой пятёрки, рядом с Митричем. Рыбаки снимали с себя всё, что могли — скидывали ватники, свитера, примерялись, поднимая над собой свои ящики, короба, рюкзаки. Шкипер продолжал инструктировать:

— Кто не матерится — тот останется. Понятно? Как моряк, скажу: самое уязвимое место — лёгкие. Не будете ругаться — останетесь!

Он не пояснял, где останутся, но по ударению — на «останетесь» — Юрчик понял, где.

— Готовы? Не забудьте на берегу пересчитаться... Первая пятёрка, пошла!..

Мужики прыгнули в озеро, и над водой раздался неслыханный тут ор. Крупный мужик блеял тонким голосом. Низкорослый брюнет отвечал утробным колоколом. Митрич ругался, как песню пел, виртуозно и многоэтажно. Юрчик почему-то выбрал только один матюг, короткий и звонкий... Вот парень поскользнулся, но двое из второй пятёрки, шедшие по пятам, подхватили его и вытащили на берег, где он продолжал отплёвываться».

лять, лять, лять...»

Последним покинул набухшую, изрешечённую лунками льдину шкипер. Он бежал один. Все как-то разом поняли: случись что — помочь было некому! И он, собака, не матерился! Он пел: «Врагу не сдаётся наш гордый „Варяг“...»

— Матерись, останешься!.. — закричал ему Митрич, успевший уже разуться.

— Матерись! — забыл о сведённых судорогой пальцах Юрчик.

— Матерись! — орали и другие. — Матерись!..

Но тот, в кипятке ледяной воды, будто не слышал...

Огромный костёр взвился пламенем: средство из рыбацкого «НЗ» да горка дров, лежащая с осени на берегу — именно для такого случая — пришлось кстати.

Мужики теснились у огня, выжимая одежду. Потом делились остатками водки — каждый хотел выпить с командиром, не забывая, впрочем, подколоть: мол, всех заставил сквернословить, а сам...

Тот отшучивался:

— Жене обещал — ни слова худого не говорить — и, верьте не верьте, отвык. Забыл, наверно...

Ему не верили...

Частью рыбаки разъехались на машинах, другие потянулись к поселковому магазину — успеть ещё разок «закрыть сезон» до прихода автобуса.

— Вы где служили? На Северном флоте? В каком звании? — уже в автобусе Юрчик оказался соседом командира и попытался заговорить.

— Тише, тише, — громким шёпотом отвечал тот, рыжей бородой тыча в ухо. — Какой я моряк?! Плоскостопие, типа... Только не сдавай меня мужикам! И — с меня причитается, — он, сомлевший, с лицом, от которого можно было прикуривать, потянулся к своему сундучку...

Надо иметь сноровку, чтобы на ходу прыгавшего по ухабам «пазика» ещё и пить. Но «шкипер» был упёр-

тый... Потом они заснули друг у друга на плече. А на авто-
станции попрощались — до следующего сезона.

РЕНТГЕН,
ИЛИ НА ТУ
СТОРОНУ

Пора было идти домой — голод давал о себе знать, стягивая и без того подведенный под ребра живот. Степка вообще считался доходягой. «Рентген», — брякнул как-то старший брат, ткнув пальцем в фотку. На снимке Степан стоял в одних трусах, обнявшись с друзьями — слева Славка, справа Саша, и ребра у него, как на больничном снимке, предательски проявлялись под кожей... Так, с незлой шутки брата, это прозвище и осталось.

Ему всегда хотелось есть. Вот и сейчас, незаметно для себя, доел подсохшую на солнце черную краюшку, взятую из дома для приманки. Сегодня ему повезло: такую рыбину еще не удавалось вытащить ни ему, ни друзьям. Тяжеленная, красноглазая, полосатая, в две ладони длиной, с высоким игольчатым плавником, больше похожим на корону. Саша так и определил: королевский окунь. Утянул поплавок под воду без всяких сомнений и пробных поклевков. Оставалось только резко дернуть — успеть. Вот и вся, в принципе, рыбалка. «Дернул, как цепочку от смывного бачка», — так Саня прокомментировал Степкину удачу. А тому не терпелось похвастаться уловом. Он уже в мыслях прокручивал, как на берегу выломает ивовую веточку, очистив от листьев, сделает кукан, нанижет на него окуня и понесет рыбину перед собой через весь город. А мама, как вернется с работы, обрадуется, удивится и, может, даже назовет его «кормильцем».

По дороге они обязательно заглянут на хлебозавод — как раз в половине пути. Если повезет, дадут хлеба — женщины в полотняных белых рубахах и подштанниках обычно жалеют пацанву. А вот водители хлебовозок мальчишек гоняют — за то, что они, как воробьи, воруют хлеб. Степка участвовал как-то в налете: водитель зашел в экспедиторскую за документами, и Саша, быстро выхватив буханку с поддона — из незакрытого фургона, крикнул: «Бежим!» Надо же — ни о чем таком они не договаривались! Степке, прибежавшему за угол последним, было неловко брать

ворованное, но отказаться от горячего мякиша — корочку уже содрали более шустрые — оказалось выше его сил...

А сейчас он, накупавшись, сидел на бонах и ждал, когда друзья закончат удить. Саше хотелось взять реванш, не уступить младшему, а Славке все чудилось, что окуни ходят стаями и Степин окунь подошел к бонам не один... Солнце было еще высоко, но не такое горячее — по бонам можно ходить, не боясь обжечься.

«Бонтики» — так называли пацаны плавучий мост, который появлялся каждое лето на реке. Он держался на тросах, скрученных из проволоочных жил, и состоял из плотов, связанных поочередно — по два бревна, по три — как черные клавиши на маминном аккордеоне. А по ним пущены доски — чтобы удобней людям ходить.

По одну сторону бонов была чистая вода, а к другой течением пригоняло бревна. Те вели себя, как стадо баранов: так же беспокоились и волновались. Сходство усиливалось, когда одно бревно влезало на другое... Бегать по ним — нужна сноровка: бревна крутятся, ходят под ногами, и стоит зазеваться, можно оказаться в воде... С бонов ребята рыбачат, прыгают в воду; тут же женщины стирают, полощут белье. Мать Степана иногда приходит сюда с половиками. Она натирает их хозяйственным мылом, потом драит щеткой. Полоскать тут просто — только распустится полотнище по течению, и белое мыло уносит вода... Речную воду мама называла «мягкой». Степа не знал, что это значит: вода как вода...

У теплых бревен всегда крутились мальки. Иногда проплывали рыбешки покрупнее... Но чтобы королевского окуня поймать!.. Большого этого красавца Степан изловил, видимо, угадав глубину — полосатые хищники обычно ходят около дна.

Посредине плавучего моста находились ворота. Сплавщики, в любой зной одетые в резиновые сапоги и плотные брюки, загорелые, как негры, ловко орудуя баграми, про-

пускали через них бревна. За воротами рыбачили и купались сплавающие пацаны — те, кто жил на том берегу. Они даже в школу в свою ходили. Сплавские жили у самой реки, и считалось, что плавают лучше — по крайней мере, только они рисковали переплыть реку. Была опасность, что течение подхватит, и надо иметь ловкость, чтобы не затёрло бревнами.

Степан с завистью смотрел, как взрослый парень — из сплавающих — саженьками плыл на эту сторону. Не торопясь, даже лениво, мощными гребками борясь с течением, пропустил одно бревно, быстро подплыл, пропустил еще пару, и вот, уже стоял у бонов рядом со Степой, смахивая воду с лица и отплевываясь. Назад, однако, не поплыл, а подтянулся на руках и выбрался на бревна. Старшеклассник, наверное: загорелый, мускулистый... Выгоревшие до белого кудри от воды свернулись, как у девочки, в мелкое кольцо. Степка засмотрелся на цепочку с гильзой, висевшую на его шее. Такие обычно носили отслужившие. Иногда дарили младшим братьям или друзьям. Подарок особо ценился подростками — даже малая причастность к армейской службе словно делала их старше и мужественней...

— Ух, какой окунь! Твой улов? — парень увидел рыбину, лежавшую в тенечке между бревен. Степан, наполняясь гордостью, улыбнулся, кивнул.

Парень тоже улыбнулся. «Эх, мускулы, эх, гильза...» — сейчас он тоже похвалит! Но этот, с гильзой... — интересно, стреляной? Тогда должен быть след от чеки на капсуле... — взял рыбину в руки и сказал:

— Отдашь мне?

— Что? — опешил Степан. — Окуня?.. Зачем?

— Мне о-ку-ня от-дай, — медленно, как тупому, повторил парень.

— Не, я домой понесу! — замотал головой Степан.

— Жалко? Знаешь, где «жалко»? У пчелки, — он накло-

нился и сказал так, что кожа у Степки покрылась пупырышками:

– Ты, малявка, или отдаешь рыбину, даришь безвозмездно, то есть даром, или... или я кидаю окуня в реку!

– Зачем в реку? – стал уточнять Степан.

– Так отдаёшь?

Рентген оглянулся на Славку, ища поддержки. Тот перестал смотреть на поплавок и с преувеличенным вниманием рассматривал ссадину на локте. Чего там рассматривать? Корочка скоро отпадет, и под ней будет новая кожа. Однажды Славка высмеял его – за то, что Степка такую корочку отковырнул и съел. Они даже подрались...

Саша, услышав ультиматум взрослого парня, напротив, подошел и стал уговаривать Степана:

– Рентген, отдай, это же Валера, он всё равно выкинет, – и зачем-то добавил: – Это же сплавской, он реку переплывает...

– Я тоже переплываю... – зачем-то запальчиво сказал Степан. Он не раз себе представлял, как когда-нибудь, когда вырастет – зорко держа бревна в поле зрения, бесстрашно переплывет эту реку...

– Какой я Валера? – возмутился парень. – Я вам, малявки, дядя Валера! Что ты сказал? Ты – реку переплываешь? Не брешь, дохляк!

– Я не брешу!

– Значит, не отдашь окуня?

– Не, – набычился Рентген.

– А, ну-ка, покажи, как плаваешь! – и он, смерив парнишку взглядом, почти не размахиваясь, левой рукой, сильно, как метательной машиной, закинул рыбу в реку. Она упала далеко – там, где из-под ворот неслись бревна.

– Ну, пльиви... Умеешь плавать?

– Умею, – ответил Степан, но с места не сдвинулся.

Вода подхватила рыбину – видно было, что она, белея животом, как прошлым летом сдутая ветром кепка, кача-

лась на стремнине. Степан стоял и глядел — пока рыбина стала неразличима...

— Умеет он! Реку переплывает, — Валера презрительно сплюнул и походочкой, как у заправского футболиста, кривя ноги, пошел по мосткам на свою сторону.

Степан молча взял собранную удочку, вытряс из банки в воду полуживых червей, уже на ходу стал, не попадая в петли, застегивать рубашку.

— Погоди, вместе пойдем! Рентген! Погоди, хлеба попросим! — заскулил Слава, метнувшись сматывать удочки... Но Степан не оглянулся.

Он вернулся на боны утром. День начался дождем. У реки было пустынно. Только мужик в дождевике маячил на горизонте, как журавль над водой, глядя на темную быстрину. Коротковатые спортивные штаны со ставшей веревкой резинкой Степан аккуратно сложил на бревна и прижал, чтобы не сдуло, сандалиями. Новые штаны мать купила, но носить не давала — берегла к школе... Ветер дул холодный — едва снял рубашку, как по рукам побежали мурашки. Он потрогал воду и тут же отдернул ногу. Оттягивая время, постоял, потом перешел на соседнюю связку бревен, потом еще на одну — чтобы ближе плыть к другому берегу. Снова потрогал воду... «Я тоже переплываю!» — держась обеими руками за боны, прыгнул... Вода доходила до груди. Он держал руки над головой, так что кожа беспощадно обтягивала ребра. Губы стали сизыми, дрожь била худые плечи. Но Степан, словно пугая любопытных мальков, отогнал от себя ладонями воду, оттолкнулся ото дна и поплыл, вытянув шею — будто так было теплее...

СНОК

Отпуск Михаилу дали, как всегда, в середине июля, «Две недели – хватит?» – зачем-то спросила кадровичка. «Хватит», – равнодушно ответил Михаил и на следующий день к обеду уже собрался, сложил вещи в бездонный багажник новенького автомобиля и поехал.

В отпуск он уходил даже с сожалением. Работать ему нравилось: на деревообрабатывающем комбинате производство организовано с умом, всё рассчитано, распланировано. Комбинат недавно переоборудовали, освободили от пьяниц, а значит, от брака и непланных убытков, и люди наконец-то стали зарабатывать. Огромные машины завозили на предприятие лес, а вывозили дома из оцилиндрованных бревен – в Питер, Москву, за границу... Одно время, когда цены еще не взлетели, Михаил хотел себе сруб из «оцилиндровки» прикупить, поставить за городом. Но мать с отцом жили в деревне всего в сотне километров, держали большое хозяйство, им нужно помогать, и он не решился: две дачи – никак не потянуть.

Родительский дом всё больше требовал, чтобы к нему приложили руки. Хорошо, что крупный ремонт они закончили вместе с отцом. Высокий, на подвалах сруб больше сотни лет простоял на камнях – только два года назад они залили фундамент. Для замены нижних венцов Михаил выписал у себя на работе бревна. Он даже привез их – красивые, ровные, легкие, как перышко. Но, увидев их, отец заартачился, восстал: «Ты что, хочешь, чтобы на этих карандашах дом стоял? Ты понимаешь, что такое дерево? Как ствол растет? Он же как луковица, как кочан капусты – слой за слоем нарастает. Только медленно, основательно. И не всегда ровно – то тень, то ветвь какая. А тут кожу станок содрал, он же слепой, станок-то, все сровнял, и, думаете, красиво это, хорошо? Это всё равно что из человека батон колбасы сделать!» Что-то подобное испытывал и Михаил, когда еще только запускали линию по обработке бревен, но только сформулировать не мог, а потом забыл

это ощущение, притерпелся.

А на работе Михаила отец потом побывал, но так и не переубедился: «Все избы у вас одинаковые – без души, без запроса душевного сделаны. И химией, дрянью этой, зачем дерево пропитывать – оно же дышать должно!»

Тогда ремонт затянулся на год – отец сам лес на корню выписал, сам валил, вывозил с делянки, корил. Сушил на лужайке под окнами – без всяких там инфракрасных камер с компьютерным управлением. И только следующим летом они с Михаилом подвели новые венцы. Втихую потом Михаил привозил с завода пропитку, тайком бревна мазал – чтобы батю не обидеть...

Отец скоропостижно умер нынешней зимой. На поминках плач матери коснулся всех дел, которые без хозяина встанут, а особенно коровы – как накосить? Нарушить скотину придется, а для чего тогда и жить...

Мать ни косить, ни управлять не бывала – отец не разрешал. А Мишку отец стал брать с собой, когда парень совсем ещё глупый был: раз соседки говорили «Галина на сенокосе ребенка потеряла», то он всё и искал по кустам да в густой траве – не найдется ли кто. Но мамкин ребеночек не находился. И у всех в классе в семье двое или трое, четверо детей, а он у Басковых так и остался одиночкой.

...Въезжая в деревню, Михаил увидел Зорьку, важно шествующую к родному двору. Она сама возвращалась из стада, подходила к калитке, могла бы, как говорил острый на язык отец, и «ворота за собой на завертыш закрыть», да требовала уважения – ждала, когда мать ей ласковое слово скажет, горбушку хлеба сунет да обиходит – вымя ополоснет, полотенцем осушит.

Мать, чуть похудевшая, чуть более суетливая, чем обычно, чистила словами:

– Мыться-то станешь? Молока-то выпей, да сполос-

нись — баню топила, еще не выстыло. А я сейчас Зорьку застану и ужин сготовлю.

Галина сыном гордилась: не пьет, в городе квартиру получил, на ученой женился, живет справно, двух девок вырастил — обе в институтах учатся. И родителей не забывает — с дровами ли, с огородами помогает. Девчонки, правда, редко тут бывают, да и жена была только на похоронах — но они же городские, от земных работ да запахов отвычные...

Из бани Михаил сразу попал за стол. Все свое, свежее: окрошка на квасе щедро забелена сметаной, сварена еще некрупная, с прозрачной кожицей картошка, зеленый лук, малосольные огурцы, яйца.

Мать что-то рассказывала про автолавку, а сама нет-нет, да и поглядывала на сына. Вопрос о корове — будет ли держать её, она сама еще на поминках подняла, но он так и остался открытым — сын отмалчивался...

Что Михаил сенокос не любил, она хорошо знала. Еще в парнях — ребята в соседнюю деревню на танцы пойдут, а он — комаров кормить: косили-то после работы да в выходные. Сенокосничали долго, надсадно: гладушки под покос давали маленькие, на неудобьях, где и не косишь вовсе, а только тюкаешь, обкашивая кусты, камни, бугры. Трава сохла плохо: в лесной тесноте ни солнца нет, ни ветра. Скошенное частенько приходилось выносить из кустов на жердях, поднимать на вешала: под ногами хлюпала вода. Отец строгий был, на пацаньи слезы коротко спрашивал: «А жрать ты зимой чего будешь?» — «Чего-чего... Мало у кого в классе родители скотину держат, да никто с голоду не умер», — думал Мишка, но выговаривал это разве что матери...

Что после восьмого Михаил уехал в техникум поступать — так это от сенокоса бежал, к свободе, спокойной и красивой жизни. Только судьбу не обманешь — даже из армии в отпуск долго не отпускали, а едва приехал —

точно на покос попал.

Кто знает, не пропусти он тогда танцы в местном клубе — не увели бы у него Ольгу. Один раз после танцев он ее проводил, а на вторые не явился — зря девка головой вертела...

Он готов был те восемь километров до клуба бежать без отдыха, но тучи кругом ходили, и не сметай тогда полу-сырое сено — неизвестно, с чем бы осталась скотина на зиму...

Последние годы он не ерепенился — только по привычке спорил с отцом. На его вечную идею — машиной косить — отец орал: хочешь, чтобы бензином корова доилась?

Но какой машиной — тракторов по ту сторону реки попросту не водилось, и спор был чисто теоретический, они косили по старинке — литовками.

Мать с коровой тоже стала уставать — все-таки на седьмой десяток. И порой говорила: руки болят, спина ноет ведра-то с молоком да пойлом таскать. И вот отец умер. «Куда мне одной-то столько молока? Как бы внучки приехали. Они же прозрачные у тебя, я бы их отпоила».

Но внучки, поддерживаемые матерью, за городскими стенами глухо держали оборону.

Помня свои не лучшие чувства, особенно в молодости, к комарам-оводам, грядкам, Михаил их не неволил. Девчонки росли спокойные, ласковые, развитые — сами выберут дорогу, нечего им свою волю навязывать, крылья связывать. Сам же им рассказывал, как ревел, когда на танцы отец не отпустил с сенокоса. Спустя много лет обида не заживала: чего из-за сена жизнь-то родному человеку ломать? А дочки его жалели...

После ужина Михаил вышел на улицу. Летний день казался бесконечным — солнце словно зацепилось за ветки столетней липы, растущей во дворе. Он сидел на скамейке, смотрел на густую зеленую крону, на мощный,

в два обхвата ствол. Мать дважды прошмыгнула мимо и, видя, что сын без дела сидит, вдруг взяла да и вынесла из сеновала косы — его и отцовскую. Сунула их возле скамейки в таз с водой. Чуть дальше стоял чурбак с вбитым стальным клином — отец здесь выколачивал косы. Молоток он нашел сам...

Когда-то у Михаила была коса маленькая-маленькая. А в старших классах — уже как у отца. Хотя ростом и силой они сравнялись, когда сын вернулся из армии. Оба были сухие, жилистые, длиннорукие. Только характеры разные. Огонь и пламень — отец, а сын — необдуманно шага не сделает, не взвесив, слова не скажет. До последнего лета они косили вровень. Михаил, правда, чуть-чуть больше захватывал, чуть-чуть пошире делал прокос, но особо силой не хвастался, щадя самолюбие стареющего отца.

Лишь когда отец костром занимался, тут уж он шел вволюшку. «Пяту лучше прижимай, чище коси, не то грабелья потом сломаешь», — не мог удержаться, чтобы не поучить, отец.

Но в этот год всё было по-другому. Михаил приезжал огороды садить и тогда стал догадываться, что слова о том, что жизнь кончается, были брошены матерью с горя. Жизнь продолжалась. И вновь весной ровно в срок был посажен, точь-в-точь как при отце, ни рядком меньше, целый загон картошки. Именно по посевной Михаил понял, что у матери всё будет по-старому. И стал готовиться к сенокосу — ездил по магазинам, продающим технику. Пересмотрел не один десяток мотокос. Но те, что подешевле, как оказалось, секли траву в зеленую муку — с ними, словно в насмешку, еще и капроновая метелочка прилагалась. Эти, естественно, никуда не годились. Выбор пал на «американку» — мощную, недешевую пилу со сменными ножами, которым, как заверил продавец, даже кусты не помеха. В комплект входили перчатки из тонкой замши и защитные очки... Покупка вызвала гнев жены: договаривались же деньги

копить, женихи есть у обеих дочек, не ровен час свадьбы играть. А чтобы как у людей было, очень нужно потратиться. Дочки тоже покупку не поддержали: на уме у них одни наряды: «Как курочек не выкормить, так девушек не вырастить». Михаил хранил коробку с техникой в прихожей за шкафом и, когда никого дома не было, доставал – протирал от смазки, прилаживался к ее резиновым поручням. Для себя он решил: чтобы всё шло своим чередом, накосит он, заготовит сена, но только не дедовским способом.

Михаил отбивал косу молотком, остужал в воде, снова отбивал, а новенькая мотокоса лежала в багажнике. Его так и подмывало достать, еще раз протереть, заправить бак – и масло, и бензин специальные привез – и, наконец, опробовать, хотя бы обкосить двор. Но не хотелось грохота – то ли после бани, то ли не отошел еще с дороги, и неизвестно, как бы отнеслась мать к его приобретению. И он просто сидел и отбивал косы, как это обычно делал перед покосом отец. Не может быть, но факт – на стук молотка пришла глухая соседка, посмотрела, как у Михаила получается, и принесла свою косу – древнюю, легонькую, с разошедшимся косовищем. Отбивать было сложно: в середине полотна мягкая сталь истерлась до краю.

– Теть Фая, ты-то чего косить собираешься? И кому из вас лет больше: тебе или твоей вжикалке?

Девяностолетняя старуха отвечала почти впопад:

– Теперь-то такую не купишь. Да и железо-то теперь пошло – вон нож купила, фасонистый, дорогой. Так сначала порезал, а теперь и наточить не могу. Раньше-то мужик мой ножи из кос делал – тонкие, гибкие, острые! И точить не надо: пару раз о бутылку шоркнешь, и снова как бритва. Хоть хлеб режь, хоть картошку чисти...

– О бутылку, говоришь? – поддерживал разговор Михаил...

Спал он крепко. Не слышал, как мать несколько раз вставала, проходила мимо его к окну – не веря часам,

смотрела на небо. Но проснулся до будильника, и в самый раз — восток еще не розовел, а ночь уже посерела. Михаил взял приготовленное с вечера: пластиковый баллон молока, еду в отцовском рюкзаке, косу, замотанную мешковиной, вышел на улицу. Густой туман ложился на траву — день обещался ведренный. Михаил завел машину, пока двигатель грелся, протер от росы стекла...

Выскочила мать. Виновато, как перед отцом, оправдываясь: «Только прикорнула», сунула одежду, которая каждый год носилась только на покосе — белую рубаху, похожую на солдатское исподнее, хэбэшные штаны и выгоревшую до белизны солдатскую панаму, привезенную им еще со службы в Туркестане.

Машина почти бесшумно тронулась, мать перекрестила след. Три километра вдоль реки, потом поворот направо. Высокая машина легко прошла брод, поднялась в гору и по лесной дороге подъехала к самому сенокосу. От открывшегося на реку вида дух захватывало: не зря на этом косогоре когда-то стояла деревня...

Этот луг достался Басковым, когда развалился колхоз. За три года, что никто здесь не косил, успел густо подняться ивняк, сухие гигли стояли инопланетным лесом. Да и трава была нежная, несъедобная: осока да звездчатка годились разве что на подстилку. Но у отца, глянувшего вокруг, тогда словно новые силы проснулись: «Эх, на таком просторе — да всю бы жизнь косить. Сухо, солнцепек, ветерком насквозь продувает! И если оболочина засобирается — не проворонишь». И веснами он сюда приходил, вырубал под корень кусты, раскидывал загодя припасенные семена трав.

Луг исправился. А этот год был для травы и вовсе благодатный — июнь простоял теплый, влажный. Михаил внимательно вгляделся. Зверобой уже всю цвел — значит, самое время косить. Сквозь обвешанные росным стеклянрусом стебли тимофеевки белели ромашки. Еще не раскрыв-

шиеся розовые «часики» собрали на себе мелкие капельки тумана. На веере манжетки, как обычно, собиралась крупные серебряные капли. Отец, называя мышьяком, особо выделял мышинный горошек — корова его любила. В этот год он густо путался под ногами — отец остался бы доволен. У куста и в этот год розовела плантация богородской травы. Ее обычно собирали для сушки: мать зимами заваривала в чай и всех соседей снабжала. Ближе к речке трава менялась: виден был ровный красный ковер — там шалел клевер.

...Михаил переоделся, взял косу, короткими взмахами выкосил небольшую полянку. Под куст поставил молоко, положил рюкзак. Здесь можно отдыхать, отсюда начнутся долгие прокосы. Он рукавом протер лезвие, бруском наточил его. Постоял, вслушиваясь в тишину, вдыхая сладкий воздух.

Вроде как нужно было идти к машине за мотокошой. Но не хотелось: словно организм не хотел запаха бензина, который тотчас заглушит ароматы луга и пряного сока срезанной травы. Не хотелось стрекота мотора, который вспугнет, разгонит эту густую тишину. Кроме того, руки, ноги, спина словно проснулись от долгого сна, тело вспомнило нелегкий, но сладкий труд — всеми клеточками желало косить. И он, словно боясь, что жажда работы исчезнет, еще раз глубоко вздохнул и, широко забирая, взмахнул косой. Чувствуя в душе то ли музыку, то ли гул крови, он пошел, пошел, пошел, оставляя после себя зеленый вал скошенной травы. Прокос неожиданно кончился, он вернулся, косовищем расшевеливая скошенное, и снова пошел, пошел, пошел...

Странное это дело — косить: только начнешь, приладишься, и вдруг забываешь обо всем, руки-ноги сами знают, что делают, и вдруг восторг от этого упоения начинается. И словно двойная сила в тебе...

Он явно впал в раж, проходил прокос за прокосом.

О мотокоसे вспоминал, но все откладывал её доставать.

А потом налаживать технику было жалко времени — солнце поднималось выше и выше, уже подсушило верхи, и только у корней всё ещё оставалась влага.

Когда роса и у земли исчезла, он это сразу почувствовал: литовка словно враз затупилась. Михаил с трудом дошел прокос, вернулся к брошенному рюкзаку. Отсюда он огляделся и изумился сделанному: «Да если так работать — то сам накошу!» Михаил растянулся на просохшей земле. Он глядел в синее небо, на высокие облака и неожиданно понял, что чувствует себя бесконечно счастливым.

ВЕРТОЛЁТИНО
ДЕРЕВО

Бабка Степанида высока, худая. Длинное немаркое платье, неизменная, когда-то еще в девках коричневая, а теперь выцветшая до рыжего жакетка. Темное лицо поддетски весело. На любое дело бабка еще скоро, а особенно — на ногу «Вертолёт», — кличут ее за глаза. Но девяностолетний возраст, конечно, сказывается. Скажем, заберется Степанида на печь, а внизу невестка хозяйничает, готовит чего или посуду моет. Шустрая невестка у Степаниды, говорливая. На пенсии уже, но работает. И вот бойко-то, со смешком рассказывает она всякие разные случаи, что в магазине или у нее на работе приключились. Юрким колобком вертится Зойка на просторной кухне и говорит, и говорит. А с печи-то — ни гу-гу. Заметит наконец это Зойка. «Эй, мам, — спросит, — чего молчишь-то? Али заснула? Так ты не спи! Ночью-то опять не заснешь, искрутишься, извздыхаешься. И нас изведешь». Но с печи опять нет ответа.

Зойка и станет будить бабу, дергая за старушечьи ноги, одетые в простые чулки. А старуха — опять молчок. «Уж не умерла ли, часом, мать?» — загоношится Зойка. И заголосила бы испуганная невестка, да вовремя додумалась подставить табуретку и заглянуть на печь, где, не ожидая такого маневра, не успел зажмуриться хитрый бабкин глаз. Уж тут и святой бы не выдержал. Заругается Зойка на старую:

— Ишь ты, шутница! Интересно тебе: как умрешь, так испугаюсь я или обрадуюсь. Да я сорок лет тебя терплю, и не надейся, не заплачу!

А бабка Степанида, довольная проделкой, Зойкиным испугом, сидя на печи, уже что-то с невинным видом врет:

— А я что? Я не чувую, что меня зовешь. Прикорнула, видно. Чего-то в сон тянет...

— Разморило тебя, поди-ко, на нетопленной-то, холодной, печи... — не удержит опять своего языка Зойка.

Но чувствует ли это бабка Степанида, ей уже не узнать. Быст-

роногая старуха уже и с печи слезла, и не одними дверями хлопнула и, не закрыв за собой калитку, несется к подруге своей, соседке, сказывать, как она «умерла», а Зойка-то ведь и заголосила, заревела: пожалела старуху, значит. Вот тебе и невестка. Любит присочинить скорая и на язык бабка Степанида.

Знают это все, но этим летом она все равно их удивила. Как-то утром сказала сыну:

– Михаил, сделай – ко посошок. Палку подходящую найди да построй.

– Зачем тебе посошок-то? Или летать тяжело стало, или ноги болят?

– Да нет, милая, ноги еще ловко бегают, да посуды: лет-то мне уже девяносто один, а я все без батога. Людей неудобно. Скажут, мол, старая, а без палочки...

Не знаю, как там было на самом деле, но Зойка и в магазине, и в своей «кастелянтской», и когда коз встречали, именно так рассказывала.

– Вертолет на палочке! – смеялись в магазине.

А Зойка и сама удивляется своей свекрови:

– Неудобно ей! Так ведь она того же дня на стог у нас стояла. И без всяких там палочек сено укладывала, утапывала – только подавай, Михаил.

А сын старуху уважил, палочку ей присмотрел. Зацепил взглядом деревце, что среди других выкорчеванных лежало у чьего-то огорода. Отмахнул макушку, окорил. А под руку удобно пришелся комель, корешок – круглая набалдашина получилась. Просушил он палку в тенечке, чтобы не растрескалась, только тогда бабушке и вручил.

Бабушке посошок понравился, и она всюду стала появляться с ним. Вот только опираться на него забывала и носила перед собой то ли скипетр, то ли маршалский жезл...

Только ее палка и могла бы рассказать, отчего бабка Степанида умерла. Поставила батог у лесенки на чердак да

и упала. То ли оступилась, а то ли сердце или еще какая жилка не выдержала.

Услылав шум, Зойка, что дома была на выходном, выбежала, увидела лежащую на спине старуху, да та только «три раза и вздохнула-то». Похороны и поминки справили достойные. Зойка и редела, и причитала так, как не каждая нынче дочь. Степанида была бы довольна. Да та, кажется, и была довольна: приодетая, лежала она в обитом зеленым ситцем гробу, как бы шутейно прищурясь. И никуда-то теперь не спешила.

Похоронили Степаниду Ивановну на поселковом кладбище, как казалось, с крайчику. Но уже через месяц со всех сторон пристроилось к ее холмику довольно много могил, обитатели которых годились бабке в сыновья, а то и во внучата...

А посох бабкин Витька — правнук ей будет — хотел приспособить под пугало, чтобы птиц от смородины отпугивать. Сунул было палку тонким концом — падает, коковина перетягивает. Копнул тогда землю. засунул под дерн кокору, поутапывал — стоит. Ушел он перекладину искать да, как говорится, гвоздя не мог найти. А потом Гошка соседский позвал на пруд за карасями. И увертолетили они.

А потом задождивело, да и август уж был на исходе: родители забрали в город. И не получилось у смородины пугала: не довел Витька дело до конца.. Такой вот у Степаниды правнук. Палка, воткнутая Витькой у изгороди, так и осталась торчать. А вот на следующий год, если кому дело было, тот увидел бы, что около посоха, как около пня, поросль появилась — листом и веткой длинноватая, будто ива.

Обратила внимание на эту поросль Зойка. «Надо бы козам обломать, нечего тут лес разводить», — подумала она так, да руки не дошли. Такая вот невестка у бабки Степаниды.

Открытие сделал все тот же Витька. Полез за зеленцами

в огород, и как в глаза ткнуло: «Ничего себе. я бабкину палку в землю сунул, а от нее кусты выросли!» Через два года посох сам собой упал, отгнив у самой земли. А поросль, пущенная посохом, превратилась в высокие, в человеческий рост деревца, которые на четвертую весну неожиданно покрылись бутонами и зацвели.

– Яблоня! – ахнули все. А к середине лета по единственной длинноватой косточке внутри зеленого плода стало ясно, что это вовсе не яблоня, а... слива.

– Не вызреет, – говорил Михаил. – И яблоки-то у нас не каждый год бывают. А тут – слива. Где это видано, чтобы в наших-то краях – да слива! Не зря же прежний хозяин ее выкорчевал.

– А может, это какая-нибудь районированная, с какой-нибудь ивой скрещенная, так и вызреет, – защищала деревце соседка.

Весь июль и август ягоды так и провисели – за жесткой кожицей мякоть так и не появлялась. Кто пробовал, тот долго плевался: эта еще кислятина. И только уже в пору бабьего лета с оставшимися на макушке редкими ягодами произошло превращение. Они вдруг набухли, раздались, кожица стала фиолетовой. И вкус стал – ну не медовый, конечно, но такой, как у слив, что изредка завозили в поселковый магазин с далекого юга.

Лишь на третий год цветения сливы показали себя: пять корзин-боковушек сизых плодов сняла Зойка, да потом еще соседи приходили, знакомые, собирали себе по бидончику-другому на компотик, на вареньеце. А Зойка не жалела ягод, да еще откапывала прутышки, густо лезшие из земли. И все без разбору отдавала...

Через несколько лет Витька, приехав к бабке уже свежеиспеченным лейтенантом, идя по улице, вдруг услышал, как переговариваются из своих огородов женщины.

– Вертолётка-то не вымерзла у тебя?

– Нет, цвела! Цвету-то нынче много было, не знаю уж,

сколько вызреет. Просили меня архангельские привезти для разводу им вертолётки. Свезу, надо попробовать, может, и там приживется.

Сначала не понял Витька, о чем речь, а как понял, так у парня чуть было слезы не потекли. И если бы не этот туман, не эта пелена перед глазами, так рассмотрел бы еще тогда Витька, что нет такого дома на улице, перед которым не росло бы приметное деревце высотой с человеческий рост с длинноватыми темными листочками — местная слива, вертолётка.

РАМКА ДЛЯ ПОДРУГИ

Билет им достался с бою: в расписании этот поезд числился как дополнительный, а в кассах про него и не знали. Йошка, как шаровая молния, крашенная в немыслимый красный цвет, бегала из кассы в справочную, оттуда — к дежурному по вокзалу и обратно в кассу, где караулила очередь Ксанка. Билет продали в первый вагон, первое место. Но нужный вагон, естественно, прицепленный с конца состава, никто не открывал, и Ксанка села в единственный открытый — едва ли не в середине поезда, а потом долго шла по вагонам — купейным и плацкартным — абсолютно пустым. Купленный по цене купе билет оказался в плацкартный вагон, тоже пустой. И она долго ходила по нему — закрывала багажные ящики, которые почему-то везде были открыты. Они ее пугали: ей казалось, что те хищно скалились...

Только этим поездом она успевала приехать к Сергею, чтобы встретить Новый год вместе. Ехать, судя по билету, было ровно двенадцать часов, но странный поезд то где-то стоял, то мчался, не замечая утонувших в снегах станций. Стемнело рано, поезд давно шел без остановок, расписания нигде не было, и она забоялась, что проедет станцию. За окном всё реже проносились огни, казалось, поезд мчится в бесконечном темном туннеле. И только если прижаться к стеклу, виднелась белая полоса снега возле путей, дальше уже начинался черный лес.

С Сергеем они познакомились в фотомагазине — она выбирала подарок на день рождения подруге, а он вызвался помочь. Они долго ходили вдоль полок, пересмотрели, перетрогали все, что на них стоит, и, в конце концов, купили рамку. Такую, в которую можно вставить сразу две фотографии. С одной стороны рамка радостная, рыжая — солнце, цветы. А перевернешь ее другой стороной — там месяц и серебристые искорки звезд на черном бархате.

С крыльца магазина они могли бы разойтись навсегда, но он вдруг попросил показать город, мол, проездом, после

военного училища получил назначение, едет служить. В Ксанином городе делает пересадку. До поезда остается всего-то пара часов. И она согласилась.

А потом пошли письма, иногда телефонные звонки и снова письма. Они приходили каждый день — короткие, смешные. Девушка не знала — шутит или нет; где правда, а где вымысел. Пришла и фотка: страшно серьезный, похудевший, одетый в военную форму десантника — тельняшка, голубой берет. Хорошо, что без автомата...

В основном он описывал забавные случаи в быту, говорил, что никак не отпустят на выходные — типа, на молодых офицерах выезжают. Она уже перестала ждать от него что-нибудь про любовь, когда он написал: «Скучаю». В следующем письме ничего такого не было. А потом опять — «Скучаю».

А перед Новым годом вдруг написал непривычно серьезно: «На Новый год мне к тебе не приехать. А ведь не виделись уже сто двадцать три дня. Так что ты обязательно приезжай. Только телеграфируй. Я обязательно встречу. Очень скучаю, целую».

Йошка единственная знала об этом почти виртуальном романе и довольно скептически к нему относилась. Но вердикт вынесла неожиданный: «Слушай, Ксанка, нас не так часто кто-то приличный из мужиков приглашает. Так что — езжай. И действуй по обстановке». Именно она высмотрела этот дополнительный поезд на белой бумажке внизу основного расписания. И телеграмму обещала дать.

...Ехать, судя по напечатанному в билете времени прибытия, оставалось около часа, и Ксана забеспокоилась: поезд какой-то ненормальный, может, вообще без расписания шпарит. Она взяла вещи и пошла обратно по вагонам, которые оставались такими же пустыми, в середину поезда — там был единственный, похоже, на весь состав проводник.

— Перегоняем, — пояснил он. — А станция ваша должна

быть. Вы посидите у меня, чайку попейте.

Ксана отнекивалась, но он куда-то пошел узнавать — к машинисту, что ли? И она снова ехала одна. По времени они уже проехали ее станцию, а проводник как сгинул — всё не появлялся. Наконец нарисовался:

— Будем через час! Может, чуть нагоним...

Маленькая, запорошенная снегом станция с несколькими огоньками была абсолютно безлюдной. Ксана не увидела ни одного встречавшего, да и вывеску на низком деревянном вокзале не разглядела. И, боясь отцепиться от поручня, снизу вверх несколько раз переспросила проводника:

— А это точно Сосновка?

— Точно, точно! Не бойсь, всё в точности!

Поезд уже ушел, а Ксана всё еще стояла на полустанке в оцепенении: звездное небо над головой, необычайно яркие в ночи, молчаливые семафоры. Где-то далеко-далеко ее родной город, а она тут — одна на всей земле. Куда притащилась, зачем? Тут раздался звук мотора, ее осветило фарами — большая военная машина остановилась едва не на перроне. Оттуда выпрыгнул военный, но не Сергей — тот выше ростом, а этот похож на медвежонка, в теплой куртке с меховым воротником и в унтах:

— Оксана? Сергей просил вас встретить! Поехали!

— А где Сергей?

— На дежурстве.

Военный взял сумку, помог девушке залезть в высокую кабину. Солдат, сидевший за рулем, с любопытством посмотрел на нее, поздоровался.

— А почему на дежурстве?

— Молодой лейтенант, первогодка — ему положено.

— А как же Новый год? — расстроилась она.

— Ну, Новый год еще целый год у вас будет!

Дальше они ехали молча. Полчаса лесом по накатанной бетонке, затем в свете фар мелькнул шлагбаум, КПП, сол-

даты в тулупах и валенках. Дальше среди аккуратно посаженных сосенок стоял обычный микрорайон из панельных пятиэтажек.

Денис, так звали друга Сергея, привел девушку к себе. В квартире, отличавшейся от обычных городских разве что меньшим количеством мебели, их уже ждали – жена Дениса и еще несколько пар – семьи сослуживцев Сергея. Здесь уже был накрыт стол: Новый год наступал через два с небольшим часа.

– А ему никак нельзя позвонить? – спросила Ксанка Дениса.

– Нельзя, – коротко и строго ответил тот.

Хорошо, что комнат было две, и Ксанка ушла спать почти сразу после боя курантов, чтобы не портить кислым видом людям праздник. Но ей не спалось, и она слышала, как палил салют за окном, как потом долго пели. Офицеры знали какие-то странные песни, по крайней мере, Ксанины знакомые, студенты-однорупники, обычно таких не поют: тут был и «Черный ворон», и «День Победы»...

Утром они со Светой мыли посуду, пили кофе. Ушел на службу Денис, но Сергей так и не возвращался. Они сходили погулять по городку. Болтали так, ни о чем.

– А позвонить нельзя? – спросила Ксанка Свету.

– Нельзя, – так же, как вчера Денис, коротко ответила Света.

Стало уже темнеть, у Ксанки оставалось до поезда всего-то двенадцать часов, как появился Денис. И сказал, что нужно ехать на станцию. Сергей ждет там.

– Понимаешь, – пояснил, смотря в сторону, – он попал в больницу. Ну, несчастный случай.

Двухэтажная деревянная больница с большими окнами стояла в старом парке недалеко от вокзала.

– К солдатику? – услышав фамилию, спросила на входе пожилая санитарка в халате, надетом на синий ватник.

– Офицер он, лейтенант, – стала уточнять Ксанка.

– А, значит, к солдатику, – сделала вывод санитарка и назвала номер палаты: – Второй этаж, касатонька, в конце коридора, направо.

В той палате было всего-то две койки. Но сразу Сергея Ксанка не узнала. Голова у него была забинтована, вместо глаз виднелись только щелки. Нос, губы – все слилось в одну синюю пухлую маску. Рядом с его кроватью сидел мужчина в штатском и что-то записывал:

– Так, значит, вы их не запомнили?

– Нет. Сзади подошли, – с трудом говорил Сергей.

– А сколько денег у вас было?

– Около тысячи.

– Какими банкнотами?

– Не помню... Пятисотка была, по-моему, несколько сотенных, мелочь...

– Когда подходили, никого подозрительного у магазина не видели? А где машину оставили? А кто за рулем был? Он оставался? Он, может, что видел... Хорошо, разберемся.

Следователь ушел, а Ксанка долго еще сидела и просто гладила Сергею руку. А когда уходила, он прижал к распухшим губам ее пальцы. И зачем-то попросил прощения...

На поезд девушку провожал Денис.

– В общем, Ксан, готовься к худшему. Военная прокуратура занялась. Он же водовозом служил.

– Кем? – переспросила Ксанка. – Каким водовозом? У него же красный диплом. Он же десантник. Штурмовой бригады. Танкового полка.

– Красный-то диплом – красный. Но не любят тут умных. У нас в части и танков-то нет, зато есть котельная, и утечки в теплосетях просто убойные. Да еще полгородка моется из батарей – с горячей водой проблема. Ремонтировать нет средств. А в сеть нужно воду постоянно доливать. Есть, конечно, скважина, но вода в ней очень жесткая. Для котельной возят специальной водовозкой за двадцать

пять километров, со станции.

– Так ведь для этого солдаты есть!

– Без офицера за территорию части солдат отпускать не положено. Вот у Сереги служба и была – мотаться туда-сюда с солдатом. А тут, перед Новым годом, он решил – ну, раз ты приезжаешь – цветы купить, подарок, всё такое. Он ведь у нас тот еще романтик, стихи пишет! А у магазина отморозки, видимо, караулили. Видят – офицер, значит, с деньгами...

– Так его же избили: сотрясение мозга, перелом. И не он начал...

– Ну, это с точки зрения штатских. А по военным законам отклонение от маршрута – это нарушение приказа. Пока солдат его возил туда-сюда, в больницу сдавал, уровень воды в теплосетях упал, автоматика не сработала, и котел сгорел. Едва весь городок не заморозили. Короче, разбораловка будет еще та! Не знаю, может, конечно, и замнут...

Но историю не замяли – со скандалом деньги получить на ремонт и котельной, и сетей куда быстрее можно... А Сергея военный трибунал осудил на три года.

Следующий Новый год Оксана ехала встречать уже в другую сторону, на небольшую железнодорожную станцию, где Сергей отбывал срок в колонии. Опять на вокзал ее провожала подруга. Не верившая ни в Бога, ни в черта, крашенная в иссиня-черный цвет, несмотря на мороз – в кожаной косухе с немыслимым количеством клепок, Йошка исподтишка крестила уходивший с Ксанкой поезд, билет на который они на сей раз купили заранее.

БАНЯ

Первыми были не они, а те, кто на плоское, ничем не укрытое место бросил тонны железобетона – взлетную полосу. Вокруг аэродрома, как беговые дорожки вокруг футбольного поля, стали наматываться улочки с временками – склады, палатки для солдат, кунги для офицеров, коробки штаба, столовой, хозчасти.

«Йо-о-о-о!» – с таким восторгом в груди он вылезал из вертушки и, жмурясь, смотрел на синее небо. Кто знал, что совсем скоро ему захочется увидеть хоть маленькое облачко, мелкое перышко, сизую дымку на этой невозможной сини, уже отдохнувшей, восстановившей свой цвет после безумной летней жары. Впрочем, «над сковородкой пара не бывает», говорили бывалые. Хорошо, что попал он сюда не в июле, просто очередь внезапно подошла – один сослуживец сломал ногу, у другого родилась двойня. И он, счастливчик, поехал в курортный сезон, сразу после Нового года.

Соседом по кунгу оказался грузный майор, прилетевший сюда получить подполковника и достойно уйти в отставку. Обычно он сидел и мусолил желтые страницы какого-то старопрежнего журнала в мягких корочках. Там были напечатаны «Семнадцать мгновений весны» Юлиана Семенова. Похоже, он учил эту книгу наизусть. Майора Андрей прозвал про себя Штирлицем.

Книги и спиртное здесь были дефицитом. И невесть каким чудом сохранившуюся бутылку сладкой черемуховой настойки майор разливал на восьмерых аж четыре раза. Эту бутылку он привез с собой из Сибири, словно развеивая миф, что там пьют только стоградусное. Он даже не извинялся за «женский» напиток, объяснял: «Наше райпо только такую выпускает. У меня его – ящиками дома. Приедете – напою. А тут вы не пейте, не пейте... Вы нюхайте. Моим домом пахнет...»

Честно говоря, сильно пахло синтетическим концентратом. Андрюхе казалось, все это знают, и сам майор в том

числе, но молчат — так, чтобы атмосферу не портить.

Но хуже всего, что здесь не было душа. Вода была привозная, и весь контингент умывался из рукомойников, которые он видел раньше только в деревне: ладонями подкинешь соску — течет, отпустишь — нет. Экономично. Андрею пришлось срочно «осветлиться» — начисто сбрить пусть негустые, но обычно чуть-чуть длиннее, чем у остальных, волосы. Появилось занятие: Андрей грел самодельным кипятильничком воду в стакане и брился теперь дольше обычного раза в три. Времени между дежурствами здесь было много, а это, согласитесь, не последнее занятие.

Жилье для офицеров находилось в кузове военной машины, похожем внутри на купейный вагон. Здесь всегда густо пахло нестиранными вещами, гуталином. Перед тем как лечь, Андрей обычно распахивал настежь дверь, вымораживая эту вонь. Чтобы, пока не успел заснуть, её не чувствовать. Ведь, просыпаясь, уже ничего не заметишь.

На сегодня обещали развлечение. Штирлиц еще два дня назад сказал: баня! Будет баня. Вертолетчики несколько раз пытались привезти воду в пожарной цистерне на тросах, но каждый раз им не удавалось — с земли развлекались, дырявя ее автоматными очередями. Как Андрей понял из разговора, на сей раз резиновую емкость поместили внутри вертолета, закачали туда воду, а здесь оставалось просто ее слить.

Андрей стал готовиться к бане: пересмотрел вещи, тщательно выбрал из стопки камуфляжные трусы и майку и новые, привезенные из дома носки. Яркое полотенце, которым еще недавно вытирался, выходя из моря... Он даже сходил в хозкомнату и погладил там рубашку. Несколько раз он то решал взять с собой, а то потом передумывал — гель для душа и новый бритвенный станок, подарок жены, который не спешил опробовать — добывал одноразовые. И все-таки решил взять...

Рядом с новой солдатской палаткой стояли обычные военные кухни, в которых грели воду. Черномазый рядовой черпаком переливал всюю парящую воду в бак. Тот был из оцинковки и блестел на солнце, как инопланетный объект, выдавая с головой всю их закамуфлированную сверхсекретную разведчасть.

Андрей хотел было высказаться по этому поводу, но решил не портить настроения — ни себе, ни парню. А просто панибратски попросил: «Эй, рядовой, давай погорячее». Парень, видимо, был недотепистый и ничего не ответил.

Старлей откинул полог и, запнувшись за что-то, оказался в бане. Под ногами оказался настил — деревянные поддоны, тоже наверняка притащенные сюда с Большой земли. Ими были застланы два угла палатки: один, с полудесятком скамеек, был раздевалкой. А в другом углу душевая — с десятков сеток, из которых капала вода. Температура тут была примерно как на улице — ну, нет, судя по незамерзшей грязи, всё-таки больше нуля. Андрей замороженно посмотрел на душ и стал раздеваться. Чем ближе к исподнему — тем быстрее. Холодно, черт!.. Снял носки и задержался у края поддона — десятков пар солдатских сапог, обляпанных глиной, стояли здесь. Дошло только сейчас — их нужно было надеть, чтобы добраться до помывочной. Первый же сапог даванул холодной грязью, едва его стащил — мал. С ходу выбрал самые большие, чтоб с запасом, и побрел, одной рукой приживая к себе пакет с новым станком, ярким полотенцем, гелем для душа, а другой балансируя, чтобы не поскользнуться.

А вот и душ — он крутанул барашек и едва не закричал — оттуда хлынула обжигающая льдом вода. Из другой сетки брызнул кипяток. Смесителя, как оказалось, не было. Горячая вода лилась, холодная тоже — а мыться было невозможно. И этот чертовский холод... Он врубил все горячие души. Пар, пахнувший глиной и неведомой степной

травой, ломанулся из щелей настила. Сначала стало чуть теплее, но бесполезно: он уже стал мерзнуть. Нужно было что-то срочно делать. Попытался брызгать на себя кипятком, но ладони обжигало, они покраснели. И тогда он врубил холодную воду.

— А-а-а!!! — заорал он и бросился, закрыв голову руками, под ледяной водопад, сделал под ним невысказанно быстрые движения — два раза потер под мышками, пару раз между ног, зачем-то за ушами — и выскочил. Ничего не чувствующими руками сунулся под кипятильник, затем, выловив из глины упавшие сапоги, проворно в них запрыгнул и побежал на раскоряченных ногах по грязи, не замечая по полпуда глины на каждой.

В кунг он почти прибежал. Первым делом врубил на полную мощность печку, вскипятил прямо в кружке чай, скинул туда пять кусочков сахара вместо обычных трех. И в чистой рубашке — не той, что готовил в баню, ту он уронил в грязь — появился на дежурстве. И вскоре кричал жене по спутниковой связи, дающей невысказанно эхо, делающей даже самые родные голоса «металлическими»: «Да! Хорошо! Да! Хорошо живем! Обустроились! Какая война? Какая, спрашиваю, война? Сегодня баня была! Ты слышишь — ба-ня!..»

Андрей еще не раз побывает в таких командировках. И еще увидит местное лето, и узнает, как красива степь весной. И бани в его военной жизни будут — и солдатские, и офицерские, и специально для главнокомандующего. Из брезента или фанеры, с камешницами из бочек и гнутых труб, даже из гильзы авиационной бомбы. И будет мыться в настоящей русской рубленой бане, правда, сооруженной под накатом чужой неуступчивой земли. Всё в ней, как положено на родине, — с березовым веником и квасом.

Но последняя его баня будет похожа на первую. Однажды днем он будет спать в своем кунге, и, как потом выяснится, самолеты уронят бомбу прямо на своих. Взрывной

волной кунг подбросит, Андрея скинет с полки, он ударится виском об угол стола и так больше никогда и не проснется...

И на жестяном столе в морге гарнизонной местной больнички контрактник быстро омоет его тело из черного шланга ледяной водой, оставит сохнуть на сквозняке. А потом наденет на незнакомого офицера парадку со склада: белую рубашку и зеленый китель. Последняя одежда Андрея будет предусмотрительно разрезана со спины – чтобы санитару не мучиться, поднимая тяжелое тело.

Парень основательно разгладит складки на кителе, почти любовно поправит подполковничьи звезды на погонах Андрея. Удовлетворенно оглядит дело рук своих:

– Герой! С легким паром тебя...

ДЕНЬ
В СЕРЕДИНЕ
АВГУСТА

В первый же рабочий день, после отпуска, поехала я в управление к «гаишникам»: наша газета получала немаленькую денежку за страничку по профилактике дорожно-транспортных происшествий, а я обязана ее заполнять.

В приемной главного над цветами ворковала беременная Вероника — за месяц, что я ее не видела, живот удвоился, но она так и не отказалась ни от макияжа, ни от высоких каблуков, ни от короткой юбки.

— Привет! Как у вас дела?

— Ой, по-всякому! Сам расскажет.

Голосок у нее был ангельский — высокий и нежный. Она наклонялась над цветами так, что был виден шов на колготках, и становилась похожа на страуса — клубочек на длинных тонких ножках. И, честно говоря, было жалко ее мужа, который, судя по тяжелому кольцу на худом безымянном пальце, несомненно, имелся и разрешал этому чуду работать в эпицентре внимания местных ушлых мужиков.

Традесканция и камнеломка закрывали все стены приемной по провинциальной не моде, а так, по нужде прикрыть эти стены, оббитые вагонкой. На тумбочках, столах подоконнике цвели циннии, фиалки.

— Как красиво у тебя! Да, вот смотри, аспарагус зацвел.

— Уйдешь в декрет, кто будет ухаживать?

— Ой, мы с Таней из пропаганды уже договорились — она еще какая любительница!

— Сам-то занят? — Занят! У него совещание, с районов навывывал. Злой — жуть.

Она прислушалась, различая что-то через двойные двери:

— Во, слышь! «Недоумки!» — кричит. Да ладно, сейчас закончат. С самого утра сидят. Чаю хочешь?

Вскоре дверь распахнулась, из кабинета посыпались мужики — в основном майоры, начальники отделений в районах. Были и знакомые — те, с которыми приходилось делать материалы. Рыжий и веснушчатый главный гаишник

одного из дальних областных углов вышел с пунцовым, как из бани, лицом. Да и другие не в лучшем состоянии: смотрели в пол или невидящими взглядами шарили по стенам. И только один, видом совсем зеленый, капитан заулыбался и поздоровался, первым узнав меня. Когда я вошла, начальник задумчиво сидел за столом, напоминая обиженного пацана. Он был довольно молодой для такой должности и, по моим понятиям, очень красивый – если рисовать Аполлона, то только с него. Скуластый, смуглый, карие глаза – то ли от татар, то ли от евреев подмешано. Обычно улыбочивый, быстро соображающий. За стремительную свою карьеру не успевший растерять склонности к юмору. Так и не сумевший стать ни жлобом, ни иным уродом... Увидав меня, встал и пошел открывать форточку – да, в кабинете было душно. Обычно начищенный-наглаженный, сегодня он был даже не в форме, а в синем свитере без погон – такие выдают дэпээсникам. Когда встал, то оказалось, что еще и в темно-синих шароварах – будто только с рыбалки приехал. Ну, не на трассе же где-то стоял, размахивая полосатой палочкой! Кстати, без погон оказалось, что у него довольно узкие плечи.

– Привет! Загорела! – несколько секунд он смотрел на меня и, видимо, соображал, какое бы дать задание. Главную тему страницы, по давней традиции, давал начальник, остальное мы додумывали с пресс-службой.

– Слушай, съезди-ка в район, там у нас сотрудник погиб. Напиши так... – он не мог сразу сформулировать, поэтому начертил пальцем в воздухе круг. И все же закончил: – Аккуратно. Лучше прямо сейчас, машину найду...

Через десять минут на белом «Форде» с синими полосами и с лейтенантом из группы сопровождения – за рулем – я уже выезжала из города.

Добираться до районного городка с опытным водителем и без оглядки на дорожные знаки – не более сорока минут, трасса отличная. Городок тот небольшой – можно

весь за полчаса объехать. Расспрошу про погибшего сослуживцев, пусть вспомнят интересные случаи. Главное – найти фоток побольше. К родственникам, может, лучше и не соваться – если только с кем-нибудь из местных поговорить. Так что, вернемся быстро. Алексей, так звали водителя, довезет до редакции, сумею сегодня же отписаться...

Водитель с любопытством расспрашивал про газету, жаловался на транспортный налог – почти половина его зарплаты, хвастался женой, у которой хорошо бизнес идет. Узнав, зачем едем, посмотрел внимательно и сказал: «Понятно, понятно». А где-то на середине пути, где шоссе поворачивало плавной дугой, он снизил скорость и показал на пустую обочину:

– Вот, здесь ДТП – то было.

– Какое ДТП?

– Да наш-то погиб!

– Слушай, давай, на обратном пути остановимся – сфотографирую.

Что-то я «тормозила» – можно было порасспросить еще в управлении – кто погиб, что случилось – или даже у этого вот парня разузнать. Ну, нет. Лучше из первых уст все узнаю. Иначе потом трудно будет отделить правду от интерпретаций. И главное: не хотелось грузиться, заморочиваться, напрягаться, хотелось еще на чуть-чуть, но продлить отпуск. Солнечный августовский день, все еще отдыхают, а тут – рабочий день, первая тема – и сразу такая!.. Приеду – и на месте разберусь. Кстати, если мало-мало снимков – на кладбище можно съездить, сфоткать...

Вскоре показались белые коттеджи с красными крышами – поселок газовиков. И тут же сам городок: сначала частный сектор с шестью сотками на дом, далее – центр из двухэтажных купеческих зданий. В одном из этих дореволюционных строений и находилось местное отделение ГИБДД. В коридоре остроносый паренек в штатском, увидев мои потуги открыть дверь с табличкой «Начальник»,

сказал, что начальника вызвали на совещание в область. Черт, так он, значит, был на утреннем совещании. Ладно, возьму комментарий по телефону...

— А где еще люди?

Парень испуганно моргал, краснел, вытягивался:

— Так нас в отделении всего четверо... Сергей погиб, начальник в центре, а Свешников в отпуске.

Что ж, придется разговаривать с ним. Он пригласил все-таки в кабинет — карта района на стене, три, советских времен, стола, на одном из которых в деревянной рамке стоял портрет с черной ленточкой на уголке. С него смотрел мужчина неопределенного возраста — длинное худое лицо, перерезанное черными усами, капитан.

— Вы о Сергее будете писать? Мы с ним не работали, я только пришел. Видел один раз — только «здрасьте — здрастьте». Слышал, что семьянин был хороший. Но так ничего рассказать не могу.

— А вы на похоронах-то были?

— Нет, я же дежурил — больше никого нет.

— Вы знаете, мне фотографии нужны.

— Вот, — он кивнул на фотографию на столе.

— Понимаете, для газеты фото нужно чуть лучшего качества. А этот снимок, похоже, выведен на принтере. Оригинал хотя бы...

— А, — догадался он. — Но это из личного дела! А кадровик в отгулах. Сами понимаете — после похорон, все приходилось организовывать...

— А город с похоронами как помогал, администрация местная? — писать хорошие вещи про местные власти тоже была задача нашей газеты.

— Да! — обрадовался он возможности хоть чем-то помочь. — Да, помогли. Гробы им газовики купили. Вы представляете: не обычные такие, а вот — как в кино показывают — с ручками, из полированного дерева, дорогие очень. Представляете, четыре гроба, каждый тысяч по трид-

цать!

– Почему четыре? – изумилась я.

– А сколько? – пришла очередь изумляться ему. – Погибли же Сергей и его жена, и дочка, и сын. Жена и сын после ДТП еще живые были, но их до больницы не довезли...

Еще не легче!.. Я сглотнула слюну и попыталась представить могилу на четыре гроба. Не получалось.

– Т-а-ак, и что, их всех вместе хоронили?

– Да, я же говорю, четыре гроба. В Доме культуры панихида была – выставляли прощаться – весь город приходил...

– Подскажите, семейные фотки, с друзьями снимки – где их можно взять?

– Вы знаете, у него есть, то есть был друг, с которым они вместе в ГАИ пришли – Анатолий Свешников. Или уж лучше вы заскочите к отцу Сергея, тут недалеко, я проволу – мы с ним в одном доме живем!

Мы поехали уже на двух машинах. Однако отца погибшего гаишника встретили на полпути. Нестарый сухой мужичок с тряпичной сумкой шел в магазин. Узнав от паренька, кто я и откуда, он почти с радостью пригласил в дом. Вспомнился мой коллега, сосед по кабинету Вовка Романов, который, зная нашу профессиональную кухню и прочитав однажды репортаж про застреленного в армии солдата, сказал: «Я бы любого журналиста, с каким бы ласковым лицом он ни сунулся, с лестницы бы спустил». Дед нашей «кухни» не знал... Что ж, удачно все складывается!

– Слава богу, мать не дожидая до этого дня, – повторял старик. В небольшой квартире было чисто, еще чувствовалась женская рука, по-видимому, погибшей снохи. Дед заставил меня пройти в гостиную, усадил в кресло. Охотно стал рассказывать о сыне.

– В школу тут ходил, пошел в армию, служил во внутренних войсках. После армии сразу и пошел работать

в милицию. Учиться послали — там и познакомился с Галей, там и женился. А тут — тещу проведывать ездили всей семьей, возвращались...

От деда наконец-то я узнала и тщательно записала: сколько кому лет, когда женились, когда родились дети и как их всех зовут...

— Мне бы фотографии... — попросила я. И поспешила успокоить: — Брать с собой не буду — только пересниму.

Он выложил из серванта три аккуратно оформленных альбома. Дембельский, где долговязого Сергея можно легко узнать по тем же усам. Во втором уже с Галей — в противоположность ему — крепкой, щекастой, чернобровой. Вот свадьба, первенец, первые шаги малыша, уже понятно, что это девочка — платьица, косыночки, носочки. Вот еще один малыш — и она, уже располневшая, спокойно уверенная в своем будущем и будущем детей. И множество фотографий со свадеб друзей, с пикников, юбилеев и дней рождения. Заботливо вправленных в одинаковые альбомные уголки.

— Жена-то у меня болела, не вставала, так, чтобы не скучала, Галя специально принесла. А я вот не вернул.

Я фотографировала снимки на подоконнике — здесь светлее. Дед, державшийся с самого начала очень хорошо, даже как-то странно весело — вдруг заплакал, повторяя: «как хорошо, что мать не дожила...»

Нужно было уходить.

— Мне бы еще друга найти — Свешникова.

— Машина-то внизу ждет? Поедемте, я покажу.

Мы приехали на окраину городка — там стояла одинокая пятиэтажка с маленькими балкончиками, как сообщила вывеска — «семейное общежитие». В одной из тесных секций, заставленной цветными тазами и ведрами, с натянутыми бельевыми веревками, дед показал на выкрашенную рыжей краской дверь: вот здесь Сергея квартира.

Я смотрела на дверь, мне даже казалось, что сквозь

изоплиту вижу, как стоят телевизор, холодильник, детская кроватка. Вот укатившийся мячик, брошенная кукла, раскрытая книжка... Ну, вот, насмотрелась фотографий!..

— Я так туда и не заходил. Толику ключи отдал... Рядом он живет. В милицию вместе пришли. Он первый и приехал на место, где все случилось.

Постучался в дверь напротив. Вышла невысокая черненькая женщина с капризничавшим ребенком на руках, как я понял, жена Толика. На вопрос, где муж, сказала: «Так на даче». Недоверчиво взглянула на меня, что-то взвешивая.

Пришлось поднажать: «Начальник ГИБДД области просил лично — написать. А, сами понимаете, Анатолий — лучший друг. Как же без него?». И она решилась:

— Так пойдете, провожу.

Она так и повела нас по дороге — в домашнем запашном красно-белом халате, в плюшевых тапках и с ребенком на руках. Мы шли рядом, но поговорить так и не удалось: ребенок кричал как резаный.

Дача была метрах в двухстах. Это обычные огороды, разве что без заборов, засаженные, главным образом, картошкой. А поближе к лесу стояла пара домиков и баня. Женщина и кивнула на баню — возле нее кто-то жег костерок: — Вон он, Толик, никак не может прийти в себя. А сначала и водка его не брала... Вы идите, вот тут, по краичику.

Она развернулась: ребенок, полуторагодовалый пацан, несмотря на потряхивания, поцокивания и причмокивания, никак не мог успокоиться.

Попросив водителя не торопиться: отвезти старика домой, самому съездить пообедать, а потом уже подъезжать сюда, я пошла через посадки. Когда подошла вплотную к молодому мужчине, поняла, что Толик сильно пьян. На дощатом столе — початая бутылка водки, черный хлеб, раскрытая банка тунца, ломтики копченого сала. Взгляд

сразу же зацепил пол-ящика водки в притворе бани и горку пустых бутылок в траве. Но машина уже ушла, и мне ничего не оставалось, как поздороваться...

Анатолий был стрижен под ноль, крепкий, с приятным круглым лицом, голубо-глазый и большегубый. Лет ему было, как и погибшему, — тридцать.

Он не видел, что меня провожала его жена, не заметил и машины, но не удивился моему появлению: не спросил, кто такая, чего надо. Видимо, за последние дни ему со многими приходилось пить. На всякий случай пояснил:

— Серегу поминаю. Друг у меня погиб. И вся его семья...

Он налил в пластиковый стаканчик водки:

— Помяни. Вчера похоронили. А сегодня, значит, четвертый день. Пей, как положено, до дна.

Деваться было некуда, я взяла кусок черного хлеба, намазала на него паштет.

— А мы с ним — друзья. Вот, видишь, это его дача.

Он показал на недостроенный, рубленый домик. Недострой уже потемнел. Крыша когда-то временно была покрыта толем, им же забраны окна. Возле — обжитой казалась банька, срубленная из светлой сосны, видимо, не так давно. Рядом был выкопан пруд с брошенной в него деревянной лесенкой, на дне еще оставалась глинистая вода. Все довольно уныло, и только длинная грядка-клумба с оранжевыми ноготками и бархатцами вносила оживление. На нераспаханном пятачке между баней и домом стояли самодельные детские качели на подшипниках.

— Он сам вот это все строил. Я ему говорю — квартира рядом, зачем затевать такой дом. Нет, ему интересно. Батя ему, конечно, помогал, но потом дом подзабросил — некогда, все на работе пропадал. Говорит, на пенсии дострою. А вот — баня, это да, не зря срубил. Вот тут мы семьями отдыхали. Огороды рядом — вместе весной пахали. В выходные в баньке парились. Столько лет вместе! Вместе в милицию пришли. И тут — такое.

Поминать пришлось всех четверых, так что вскоре у меня поплыло перед глазами. Но мужику нужно было выговориться, а мне требовалась информация. Ее можно было добыть парой прямых вопросов, пятком косвенных подводок, еще двумя провокационными версиями, тем более что мужик был пьян. Но манипулировать было неловко. Или организм у меня все еще был в отпуске, и хотелось вести себя непрофессионально, по-человечески. Здесь, действительно, было горе.

Еды было катастрофически мало. И Толик сходил, принес пару зеленых болгарских перцев, несколько огурцов-переростков, пучок перьев лука с уже пожелтевшими верхушками.

И мы выпили еще.

— Вот: перец и огурцы из Серегиного парничка. Серега картошку обновить хотел — семена новые купил, так и не узнает — что вырастет. Кому вот это все теперь — один батя остался, много ли ему нужно... Выпьем.

Я терпеть не могла, когда меня заставляют пить, контролируют — сколько выпила, почему. Но Толику было трудно отказать. И мы пили, разговаривали. Между тем белый «Форд» уже давненько стоял у края картофельного поля. Я знала, что водитель будет ждать сколько нужно и без тени упрёка, но все же... Поэтому в конце концов пришлось брать инициативу в свои руки.

— Вы, говорят, первый, кто прибыл на место...

— Так дежурил я. По радиации сообщили: так и так, на границе районов ДТП.

— Предчувствие нехорошее было?

— Нет, предчувствия не было. Но я издали еще понял, что это Серегина машина. Подъехал — лобовое стекло выбито. И они с женой — она на переднем сиденье ехала — лежат на капоте, ты знаешь, его правая рука на Гале, как будто ее обнимает. Сергей уже мертвый был — видимо, на раз о рулевую колонку. А она — еще стонала. Маленький

ребенок на коленях у нее сидел, его выкинуло из машины, но он тоже живой был. А дочка... Светку... всю...

Он недоговорил, сморкнулся в сторону.

– «Скорая» приехала – тоже наша, районная. Я им сказал: в областную больницу везите. Там все-таки реанимация есть, техника – искусственное сердце, вентиляция легких. Это у нас – только санитарка на стуле да капельница. Их на носилки погрузили, машина ушла. А я остался. Серегу, Светку рядом положил. У Сереги туфли от удара соскочили. Лежит в одних носках, и дырка на пятке. Я их обоих закрыл пеленками – для малыша были взяты, между сиденьями сумка зажата. Стою, не знаю, чего делать. «Скорая» умчалась, а я, веришь ли, молился: только выживите! Ради Сереги – ребенка вырастим, жену не бросим, каким бы инвалидом ни осталась.

– Шансы выжить были?

– Какие там шансы? Как высчитали – скорость обеих машин при лобовом столкновении была 270 километров в час. Это, представь, если бы с такой скоростью в бетонную стенку въехать. Что там от людей останется? Правильно, один студень внутри. Пеленкам – ничего, а людям не выжить.

Вышел на дорогу – смотрю – машина, с которой они столкнулись, метрах в ста лежит вверх колесами. БМВуха – и номера из соседней области. Обкуренные, сволочи.

У меня еще оставались невыясненные детали:

– А перед столкновением кто по чужой стороне ехал?

– Понимаешь, обе машины шли посередине. Место столкновения всегда точно определяется. Просто там из-за поворота им друг друга не было видно. И эти – обдолбаные...

Я уже подошел к той машине – немоготу было около Сереги. Номера из соседней области. Подошел, заглянул. Их там набито было – впятером ехали. Я подошел – так бензином воняло. Подхожу – а они, суки, еще живы, кто-

то еще стонет. Но там машину без газорезки не откроешь. БМВ — крепкая машина, не то, что Серегина «девятка», но сплющена вся, как консервная банка, кувыркалась нехило. Суки. Я стоял, курил, слушал, как они стонут. И такое зло на них: какую семью загубили! Такое зло взяло — не пове-ришь. И я сигарету бросил прямо в бензиновую лужу.

— А откуда знаешь, что обдолбанные — они же сгоре-ли...

Вот это было уже лишним. Он, было, накинулся на меня, но вдруг сник и, глядя своими голубыми глазами, которые мало вязались с пьяной слюной в уголке рта, спросил:

— Как ты думаешь, может, оттого, что я сигарету бросил, ну, это, Галя с сыном и умерли, не довезли их живыми до больницы?

Он ждал от меня, случайного собеседника, ответа на вопрос, который, видимо, его мучил. Но ответа у меня не было. Кто я — поп, судья? Я просто командировочная баба, которой велено написать... Я не без усилия встала — меня сильно мутило. Стараясь говорить членораздельно, сказала: «Толик, все, извини. Мне надо ехать». И немыслимыми кривулями, пока не попала в глубокую борозду между грядками, пошла к машине. Где-то на середине пути у смородинового куста меня вырвало — вонючей водочной жижей, в которой были и черный хлеб, и лук с грядки, и свежие огурцы из Серегиного парничка.

Водитель, слава богу, спал. Я долго не могла пристегнуться ремнями на переднем сиденье — ему пришлось помочь. Заметила, что вокруг уже темнеет. Фиг теперь, а не фотографии по дороге. Да и Алексея, наверное, потеряли дома... Словно в такси, на автомате, я сказала ему свой домашний адрес, включая подъезд.

От ускорения заложило уши, потом замутило. Чтобы опять не затошнило, я закрыла глаза. Перед тем, как отрубиться, успела подумать: доеду ли до дома живой? Но мне было так плохо, что было уже не страшно... Было все равно.

ПАСТОРАЛЬ

Солнце уже всюду светило, но туман еще не мог определиться — ляжет ли он на траву или поднимется в воздух. Если опустится — значит, день будет жарким и солнечным, если же уйдет вверх — быть дождю. На второй случай, несмотря на июль, пришлось надеть резиновые сапоги и взять полиэтиленовую накидку. Обычная в такие дни еда — в старенькой сумке на плече. Туда же — пару журналов «Техника молодежи» и книгу стихов Клюева в мягкой обложке.

Сегодня у родителей, которые держат коз, подошла очередь пасти, и Ольга сама вызвалась помочь. А что — всё детство в подпасках была у Юли, неопределенного возраста молчаливой женщины... Два года назад ее не стало — выпив лишнего, она не дошла до дома, заснула в снегу. Мама тогда рассказывала, что хоронили ее как живую — «лицо розовое-розовое». Лица Юли Ольга уже не помнила, но что оно было «розовое» — казалось странным, потому что единственное, что вспоминалось о пастушихе через десять лет, как они виделись, — это её черный котелок для чая да задубелая от дождей и ветра, цвета котелка, кожа на сведенных ревматизмом руках. Юлю жалели — больше никто в пастухи не рядился, за рубль в месяц работать не соглашался. Вот и стали все пасти по очереди.

Поскотина от родительского дома недалеко, Ольгой она хожена-перехожена, каждый куст знаком. И козы — народец умный. А вот овец вовремя нужно заворачивать, а то как пойдут, пойдут стричь траву, потом не догонишь.

У родителей — работа, мужу срочно нужно к матери — приезжает сестра с детьми. Но всё-таки он проводил её до пастбища. В тумане было плохо видно и людей, и животных, и даже дома. Муж шел где-то впереди стада, а Ольга сзади, для порядка окрикивая жадно хватающих траву коз. С поля прошли вдоль свежего деревянного забора, за которым стояла воинская часть — на ремонт дорог в район перекинули стройбат. Затем стадо ручейком стекло

к темной стене — лесу. Пошли тесной лесной дорогой, по которой редко кто ездит, только гоняют скот. Узкое горло леса быстро закончилось, и дальше снова простиралось поле, круглое, как циферблат. Это и было пастбище, очерченное слева дугой большой дороги, справа — лесом с кустами и редкими елями по краю, разделенное пополам речушкой.

Муж на прощание помахал рукой и ушел обратно, растворился в белом мареве, скрылся за клоками тумана...

Животные азартно кормились — прохладно, гнус еще не появился. Можно было посидеть, почитать, перекусить. Она вспомнила, что «Отцы и дети» Тургенева читались в один из таких же дней. Вздох! И было наплевать на коз, на овец, на дождь: она пряталась, накрывшись пленкой, вон под той елкой. Книга от влаги тяжелела прямо в руках, страницы навсегда остались неровными. И невозможно было от нее оторваться, и нужно было успеть дочитать именно на пастбище, пока стадо не погнало обратно. Ведь дома будешь только через час...

День тёк неожиданно быстро. Туман осел на траву, но она скоро просохла. Стало жарко... Все шло как по графику: солнце катилось по небу, стадо шло за ним по полю. Ровно в полдень они были на половине пути. У дороги за высоким деревянным забором строился еще один забор — из белого и красного кирпича. Там должно было появиться придорожное кафе. Едва Ольга присела в тень забора, оттуда прибежал высокий худой мужик в телогрейке, надетой на голое тело. Он еще издали зама- хал руками:

- Отгоняй отсюда, тут всё откуплено, тут всё хозяйское!
- Вы мне скажите, что откуплено? — озадачилась она.
- Всё тут хозяйское!
- Откуда и докуда? Пастбище куплено? Я же за забор к вам не лезу, что вы меня гоните?
- Отгоняй отсюда!

– Я свободный человек, в родном городе, в свободной стране. Хочу находиться здесь и нахожусь, – сказала она и устыдилась своей высокопарности.

А мужик как заведенный махал руками и, глядя куда-то в сторону, повторял одно и то же. И она вспыхнула:

– Пошел ты сам отсюда! Никто к тебе за забор не лезет. А что тут еще твоим хозяином откуплено, – ты бумаги мне принеси, понял?..

Услышав про бумаги, мужик пробормотал, что он человек маленький, и ушел. Однако уже издали еще раз прокричал:

– Отгоняй, тут всё откуплено, тут всё хозяйское!

Стадо сделало большой круг по пастбищу и вернулось туда, где утром вышли из леса. До ухода домой был еще час, а время вдруг затормозило. На всякий случай она села между лесом и стадом, чтобы не пустить животных на дорогу к дому – потом не остановишь.

В полукилометре за дорогой по большим деревьям угадывалось кладбище. Чуть дальше из-за леса выглядывала труба с черным дымом – военный асфальтовый заводик работал, поставленный у городка назло всем правилам – с наветренной стороны... Стайка солдат прошла по дороге – наверное, закончилась смена. Пара молодых людей проехала на мотоцикле...

Оставалось еще пятьдесят минут. Животные мирно лежали, томно закрыв глаза, пережевывали жвачку. К середине лета они уже привыкли к ежедневному распорядку, чувствовали время каким-то своим особым способом. Может, даже выменем – по тому, как медленно, но верно оно наполнялось молоком. Вдруг за спиной Ольги треснул сучок. Она напряглась. Коз, овец там быть не могло – разве только с утра в тумане можно было кого упустить. Но чтобы весь день животные болтались в лесу? Быть такого не может. Ольге стало нехорошо: показалось, что кто-то смотрит на нее из леса. Кто? Собака? Волк? Рысь? Вокруг

ничего не изменилось — так же светило солнце, козы лениво прикрывали глаза длинными ресницами. Но ужас объял ее. Она боялась оглянуться, чтобы не встретиться с кем-то взглядом.

Нет, животные ничего не чувствуют, значит, не зверь... Она встала и пошла к стаду, сгоняя коз с лежбищ. Козы неохотно подчинялись. Выбрала место повыше и снова села, на сей раз лицом к лесу. Беспокойство не оставляло ее. Смотрела, прислушивалась. Прошло несколько минут, и она уже стала успокаиваться, коря себя за трусливость. Даже мелькнула мысль, что, может, муж, хоть и не договаривались, решил ее встретить — родители-то на работе! Хочет напугать. Но не стал бы он столько сидеть за елкой...

И тут из леса вышел солдат. Не с дороги, а вышагнул из-за дерева, отогнув тяжелую лапу ели. И направился прямо к ней. Ольга подумала, что он хочет что-то спросить, она еще убеждала себя, что он хочет спросить... Но, выражение его лица, остановившийся взгляд говорили о другом. Она вскочила. Он подошел близко, слишком близко и сказал с акцентом:

— Я... хачу... эта...

Солдат явно нерусский. Кто он — она в этом не понимала, да разве важно? Смуглый, кареглазый, он был чуть ли не на полголовы ниже ее, но коренастый. Сапоги гармошкой, выцветшая, нестиранная гимнастерка с грязным воротничком. Бляха ремня висит внизу живота. «Стройбат» — одним словом. Её брат, кадровый офицер-десантник, как-то приехав в отпуск и увидев нанимавшихся к соседям за еду таких вот работников, сказал: «Мне впервые стало стыдно, что и я, и они — военные».

Ольга попятилась. В полукилометре на дороге показался автомобиль... Бежать к людям, кричать? Она не ахти какая бегунья, он легко её догонит и собьет с ног. И люди, если даже увидят, не поймут, что тут происходит. Он, чтобы она не рванула, широко расставил руки, словно загонял

козу в хлев, и, не мигая, смотрел. И тогда она заговорила с ним твердым, но неожиданно высоким голосом:

— Слушай, ты что? У тебя что, сестры нет? Ты же сюда защищать нас приехал. А ты что делаешь?

Она говорила, а он всё смотрел. Попятилась, но он шагнул за ней. Она старалась спокойно глядеть ему в глаза — черные от расширенных зрачков, почти без белков. Ей казалось: едва отведет взгляд, выдаст свой испуг, он бросится... Она молилась, чтобы из-за деревьев появился муж, пришел-таки встречать. Пятилась, страшно боясь зацепиться ногой за какую-нибудь кочку, упасть. Тогда точно — хана... Она, конечно, будет драться, но ей этого клеща не одолеть...

Она говорила всякую чушь, спрашивала о родине, о семье. Но он молчал, не вступал в разговор. Только смотрел, не мигая и страшно. Так не могло длиться долго. Вот сейчас, сейчас... И она с отчаяньем сказала:

— Если ты меня тронешь, я тебя... — она решительно сунула руку в сумку. — Я тебя — убью...

Тут его лицо впервые дрогнуло. Он перевел взгляд с нее на сумку. Он не видел, как под рыжим дерматином ее рука ищет хоть что-нибудь... Ножа с ней не было, не было ни вилки, ни ложки. Там в целлофане лежала горбушка черного, в другом пакетике — огурец-скороспелка, болталась пустая пластиковая бутылка из-под молока. И бесполезные журналы. И книга стихов Клюева в мягкой обложке. Пальцы оттолкнули бутылку, сжали огурец. «Я тебя убью, — отчаянно повторила Ольга. — Мне терять нечего. Только попробуй тронуть...»

Он всё еще ждал, напряженно смотря на сумку, что она вытащит. А она ничего не доставала. Видя его появившееся сомнение, повторила страшные слова. И он зачем-то оглянулся, мельком посмотрел на ее решительное лицо, повернулся и пошел к лесу. Она смотрела ему вслед, затем повернулась и сначала медленно, потом все быстрее пошла,

пошла, пошла, а потом побежала к дороге, по которой, как ни в чем не бывало, ездили в своих машинках люди — разговаривали, смеялись, что-то перекусывали на ходу.

Она бежала, а с дороги на велосипеде съезжал какой-то мужчина. Он сошел с велосипеда, покатил его по траве. «Сюда, сюда», — махала она. Он с удивлением смотрел на девушку — в резиновых, несмотря на жару, сапогах, с безумными глазами, сжимающую в руке пакет с раздавленным огурцом.

— Там, там солдаты, — повторяла она и плакала.

— Да что вы, успокойтесь, нет никаких солдат. Они там, далеко, за лесом их часть, — медленно, как с ребенком или с дурочкой, заговорил мужчина.

Но она плакала. Он неловко потоптался:

— Вы посидите, успокойтесь, я тут по работе — вон подстанция, только посмотрю, а не то люди без света сидят.

— Там... там козы...

Она почти успокоилась, когда он возвращался обратно. На часах четверть шестого — козы уже должны были брать хлеб из рук хозяев. Беспокойное блеяние доносились от белевшего в траве стада. Но от одной мысли, что она должна идти по лесу, в котором скрылся солдат, бросало в ужас.

— Проводите меня, пожалуйста, я боюсь. Я же говорю, там солдаты, а мне через лес коз гнать...

Электрик пытался отговориться, но, наконец, сдался. Он поставил велосипед к подстанции, и они пошли... Застоявшиеся животные рванули с места — подгонять было не надо. Но тут же, у окраины леса, они встретили Ольгиного мужа с племянником. Они показались ей людьми из другой цивилизации — большой и маленький, очень похожие друг на друга, даже одетые одинаково — в летних футболках, светлых шортах, они шли навстречу стаду, что-то весело обсуждая и оживленно жестикулируя. Они шли, потому что народ по ту сторону леса уже забеспокоился.

– Меня встречают, вам огромное спасибо, – сказала она электрику, и тот, мало что понявший, с облегчением повернул обратно.

В тот же день Ольга уехала домой. Еще долгое время она вздрагивала от вида людей в хаки, а в общественном транспорте ее взгляд выискивал и пристально исследовал всех смуглых и невысоких...

Осенью стройбат расформировали. Местные жители на тачках и на мотоциклах, на велосипедах и просто на себе растаскивали брошенное добро – шифер и изоплиту, кирпич и брус, штакетник и вагонку... Утащили и забор. И следующим летом стадо каждый день проходило мимо пустыря с торчащими кое-где бетонными столбиками фундаментов. А козье стадо стало еще малочисленной. И Ольгины родители тоже решили коз больше не держать...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Солнечная белка	3
Онуфрий	25
Рыбачка	33
Дом на плоту	51
Закрытие сезона	61
Рентген, или На ту сторону	67
Сенокос	75
Вертолётно дерево	87
Рамка для подруги	95
Баня	103
День в середине августа	111
Пастораль	125

Ольга Кузнецова

Пастораль

Дизайн обложки творческая группа FUNdbÜRO
Редактор Ната Сучкова

6.12.16 - Over 00
22.12.16 OVF
25.12.16 - Xexel 7
21.01.2026 OVF

Ольга Кузнецова – член Союза российских писателей, поэт, прозаик, драматург, лауреат Всероссийского конкурса короткого рассказа им. В. Шукшина «Светлые души», лонг-листер Всероссийской премии «Национальный бестселлер – 2015». Живет в Вологде.

Она возвращается – классическая русская литература, написанная чутким языком о современной жизни.

Узкоколейка и дрейфующая льдина, проселочные дороги и убранные поля, проклятая пора выборов и выбора – обо всем этом книга Ольги Кузнецовой «Пастораль». Жизнь есть и севернее столицы. Хоть тут порой и заканчиваются дороги, но это не отменяет света над этой землей. И этому теперь ты свидетель.

Книга из серии проекта «Том писателей» (Вологодское отделение Союза российских писателей).

ISBN 978-5-4474-0678-3

9 785447 406783 >

Книга создана в интеллектуальной
издательской системе
Ridero.ru